

ЭКСПАНСИЯ

Роман
ЗЛОТНИКОВ

[ГРОН
СМЕРТЕЛЬНЫЙ УДАР]

Грон

Роман Злотников
Смертельный удар

«Автор»

1999

Злотников Р. В.

Смертельный удар / Р. В. Злотников — «Автор», 1999 — (Грон)

Посмевшегося открыть Книгу Мира Ооконы ждет кара. Книга Мира хранится в строжайшей тайне на Острове, в цитадели Ордена. Но легенды, слухи и крупницы сведений о ней указывают на то, что каждую тысячу с небольшим лет Оокона умирает – происходит глобальная катастрофа, и немногие уцелевшие начинают заново строить цивилизацию. До дня смены эпох осталось совсем недолго, к тому же истекает срок перемирия, заключенного с Орденом, поэтому Грон готовится нанести Хранителям решающий удар – ради населения Ооконы и ради своей семьи. В его распоряжении научные знания землян XX века и сорокалетний опыт спецарента. На его стороне орды кочевников. Сформированная им Дивизия превратилась в смертоносный Корпус. Следующий этап – создание флота и масштабные морские сражения. И еще... в северных степных владениях Грона уже найдена урановая руда...

© Злотников Р. В., 1999

© Автор, 1999

Содержание

Пролог	5
Часть I	8
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Роман Валерьевич Злотников

Смертельный удар

Пролог

Квадрига медленно спускалась по крутому склону холма. Это был самый опасный участок Дороги Богов, славящейся своими непредсказуемыми спусками, подъемами и поворотами. Каждую осень, во дни Семиртерия, праздника, посвященного богине смерти Магр, на этой дороге, ведущей из столицы к комплексу зданий главного храма Магр, проходили гонки квадриг. И редко когда до конца дистанции доходило более четверти колесниц, возницы которых, зная об этом, выходили на старт в белых одеждах, ибо белый цвет – цвет смерти. Однако, хотя сегодня было обычное весеннее утро, а прицепленная к упряжке колесница была не гоночной, повинующейся малейшему движению пальцев возницы, а крепкой и несколько неуклюжей, дорожной, судя по пене, высыхающей на раздувающихся конских боках, возница этой квадриги также показал, на что способны и кони, и он сам. И все же спуск, на который вынесли колесницу взмыленные кони, был-таки слишком крут, чтобы продолжить демонстрацию своего искусства и мощи великолепных коней. А Вграр, Верховный жрец Магр, держащий поводья, при всем своем буйном характере обладал и достаточным умом, чтобы понимать, как бы невзрачно ни выглядел его пассажир: человека, приехавшего с самого Острова, не стоит сильно раздражать. Особенно если он носит титул Хранителя Порядка. Жрец кинул взгляд на человечка, скрючившегося у бортика колесницы. Тот в очередной раз перегнулся через поручни и выкашлял на дорогу остатки обильного завтрака, а потом обессиленно свалился на пол колесницы. Вграр обеспокоенно повел широкими плечами. Не перестарался ли он, столь рьяно демонстрируя свое искусство колесничего? Хранитель выглядел не очень крепким. Но жрец с молодых ногтей привык относиться к Хранителям как к высшим существам, во всех отношениях превосходящим людей. И хотя разумом он давно уже понял, что это не так и что они обычные люди, со своими слабостями, страстями и болезнями, где-то в глубине души еще таился со времен послушничества страх перед теми, кого именовали Хранителями. И несмотря на то что с той поры он сумел возвыситься настолько, что сам стал внушать страх и благоговение, от того могущества, которым обладали Хранители, захватывало дух и кружилась голова. Вграр страстно мечтал достигнуть той ступени, когда любой властитель счел бы за честь стать твоим слугой, а одно мановение твоей руки приводило в движение неисчислимые армии и целые народы. Но жрец уже достаточно знал об Ордене, чтобы быть в курсе, что здесь не было принято поощрять откровенных карьеристов. Хотя, понятно, приветствовалось то, что называлось здоровым честолюбием. Причем где пролегла грань между первым и вторым, в отношении людей его ранга определяли сами Хранители, которые, естественно, не были особо заинтересованы в появлении сильных конкурентов. Жрец давно пришел к выводу, что ему нужен серьезный союзник из их среды. Так что эта лихая гонка была не столько даже следствием буйного нрава Вграра, сколько попыткой показать, так сказать, товар лицом. Положение Ордена в Горгосе было стабильным уже не одно столетие, и Хранитель не хуже его самого понимал, насколько простираются границы могущества посвященных на этой земле. А потому жрец справедливо рассудил, что, для того чтобы заинтересовать Хранителя, нужна не демонстрация власти и богатства, а что-то еще, и со свойственной ему самоуверенностью решил продемонстрировать собственную силу, мощь и лихость, предположив, что уж такой-то мозгляк должен оценить, насколько важен будет для него столь могучий союзник. Вграр бросил на своего пассажира осторожный взгляд. Человечек издал слабый стон. В этот момент крутой спуск закончился и кони начали резво набирать ход, но Вграр натянул поводья, не давая коням

разогнаться. Его гостю уже было довольно. Еще пара миль – и они въехали в ворота, прорубленные в храмовой стене.

Некоторое время спустя оба уютно устроились в небольшом, увитом плющом павильоне, скрытом в густых зарослях дальнего угла храмового сада, примыкавшего к задней стене дарохранилища. Хранитель Порядка, желудок которого до сих пор не пришел в спокойное состояние после сумасшедшей гонки, неизвестно зачем затеянной этим идиотом, тоскливо окинул взглядом столик, заставленный вазами с фруктами, и протянул слабую руку к кубку с соком. После нескольких глотков он почувствовал себя немного лучше и, поставив кубок, откинулся на спинку плетеного стула.

– Значит, вы считаете, что ваш план принесет успех?

Вграр шумно захохотал:

– Конечно, Хранитель. Этот Измененный оказался довольно крепким орешком, и я думаю, что прямое давление ничего не даст. Пока. Но того, что обсуждалось, тоже недостаточно. Я думаю, к настоящему моменту всем уже стало ясно, что наша самая большая угроза не «грязные знания», которые он несет, и не то, что он держит под своей рукой обширные земли. В конце концов, все это непотребство не будет продолжаться слишком долго. Наша самая большая угроза – сам Измененный. Сама Магр не знает, какие трюки у него еще припасены. И наш основной удар надо направить именно на него. – Он гыкнул, довольный собой. – Судя по тому, чем окончились наши прежние попытки его нейтрализации, он был в своем мире не последним человеком. – Жрец сгреб своей лапищей кубок с дожирским и, уполовинив его одним глотком, продолжил, довольно крикнув: – Сказать по правде, он достоин восхищения. Я полистал книги и могу сказать, что не нашел ни одного его предшественника, которому удалось сделать так много за столь короткое время. Признаться, кое-что из его нововведений мы применили и у себя. – Он бросил в сторону собеседника испытующий взгляд, но Хранитель Порядка остался невозмутим.

Еще несколько лет назад Хранитель, носивший тогда имя брата Эвера из Тамариса и имевший самый низший в Ордене ранг – Наблюдателя, пришел бы в ужас от одной мысли, что Орден хотя бы просто оставит в своих рядах кого-нибудь, соприкоснувшегося с «грязным знанием», принесенным в мир Измененным, но сейчас... Последние два Совета Хранителей были проведены в основном для того, чтобы официально выразить одобрение некоторым нововведениям, которые хотя и именовались привнесенными Творцом, но реально были переняты у Измененного.

– Так вот, – продолжал Вграр, – как это ни прискорбно, сейчас я не только не вижу силы, которая могла бы очистить землю, оскверненную Измененным, но и не вижу в этом особой необходимости. Еще раз повторю, что главное – сам Измененный. – Он сделал паузу, влил в глотку остатки вина и поставил кубок на место. Хранитель в свою очередь пригубил сок, успев поймать еле заметный отблеск презрения, мелькнувший во взгляде собеседника. Брат Эвер из Тамариса вряд ли бы смог обратить внимание на едва уловимый отблеск, но жизнь в резиденции Ордена очень быстро учит замечать малейшие оттенки в поведении тех, с кем сводит тебя судьба. Человек усмехнулся про себя. Этот дюжий, высокомерный мужлан хочет его использовать? Что ж, посмотрим, кто, в конце концов, от этого использования больше приобретет.

– И как вы хотите это сделать?

Вграр подался вперед и яростно заговорил, обдавая собеседника брызгами слюны:

– У каждого человека, Хранитель, даже у меня и у вас, за спиной болтаются... поводья. Как у коней, запряженных в квадригу. И сила Измененного не столько в нем самом, сколько в том, что он сумел запрячь в свою квадригу сильных «коней» и искусно управляет ими. Мы должны просто перехватить эти поводья из его рук, а если получится – взнуздать и его самого. А разве есть в этом мире кто-то, кто умеет делать это лучше, чем Орден? В конце концов, разве

не этим мы занимаемся на протяжении всего своего существования? – И он оглушительно захохотал.

Человечек по возможности незаметно обтер рукавом забрызганное слюною лицо и на мгновение стиснул зубы. Брат Эвер успел проникнуться крайней неприязнью к этому грубому, потному мужлану, пользующемуся любой возможностью продемонстрировать свое физическое превосходство, но он уже достаточно долго пробыл Хранителем, чтобы научиться хорошо скрывать свои истинные чувства. Поэтому он дождался момента, когда его собеседник наконец замолчал, и, изобразив вежливую улыбку, спросил:

– Значит, вы предполагаете, что этого Измененного тоже можно взнудать?

– А почему бы и нет? – Вграр пожал плечами. – У него есть жена, дети, какие еще нужны поводы для человека?

– До сих пор он демонстрировал поразительные способности ускользать из наших самых хитроумных ловушек, – возразил Хранитель. – Так что я не был бы столь самоуверен и в этом случае.

Вграр сграбастал крупное, крепкое яблоко и, с хрустом откусив, широко осклабил. Так, что изо рта торчала белая яблочная плоть.

– Что ж, очень может быть. Но я не думаю, что это будет совсем уж бесполезно. По моим сведениям, он искренне привязан к своей семье. В конце концов, если не получится так, как я... как мы планируем, то хотя бы это просто причинит ему боль.

Хранитель несколько мгновений смотрел на жреца, потом коротко кивнул и протянул руку к своему кубку с соком. Вграр отвернулся и облегченно смахнул пот со лба. Несмотря на всю демонстрируемую им самоуверенность, он сильно нервничал. Но, благодарение Магр, свершилось. Его план одобрен, а это значит, что именно он становится первым среди посвященных высшего ранга. Ибо именно он будет острием копья, которое Орден вонзит в Измененного. Что ж, не зря говорят, что времена смуты топят неудачников и выносят наверх обреченных властвовать. Он стал самым молодым Верховным жрецом Магр за всю историю Храма и сейчас получил шанс стать самым молодым Хранителем за всю историю Ордена.

Часть I

Битва морских драконов

Грон стоял у дворцового окна и смотрел во двор. Последние четыре года он проводил в Эллоре пять зимних лун, а как только открывались перевалы – отправлялся на север, в Атлантор. Основные события разворачивались именно там. Там был Корпус, там были новые заводы, там был флот. Здесь, в Эллоре, мало кто знал, что делает на севере герой войны с Горгосом и супруг базиллисы, по каким-то неясным для всех, но, видимо, важным для него причинам, отказавшийся от коронации. Но к этому уже привыкли. И вот сегодня он в который раз подумал о том, что к исходу четверти пора отправляться в дорогу. Толла тоже знала об этом, и потому эти последние ночи были настоящим неистовством. Однако вот уже третий день Грон, несмотря на усталость после столь бурных ночных ласк, просыпался с первыми лучами солнца и больше не мог заснуть. Эта весна начиналась стремительно, солнце светило ярко, но ему казалось, что на ослепительно голубое небо наползает какая-то зловещая тень. И именно она не давала ему спать. Как бы невероятно это ни звучало – Великий Грон, для многих являющийся символом отчаянной смелости и неукротимой отваги, в одиночку проникнувший за стены занятого горгосцами Акрополя, а потом с боем прорвавшийся сквозь легионы горгосцев к воротам и открывший их для своих воинов, боялся наступающей весны.

Более пятнадцати лет назад Казимир Янович Пушкевич, сын польского шляхтича и воспитанницы Смольного института, внук приват-доцента Киевского университета, волею случая или судьбы ставший офицером НКВД и вышедший на пенсию в звании полковника КГБ, известный всем спецслужбам мира под агентурной кличкой «Клыки» и собравший под разными псевдонимами мантии почетных членов нескольких всемирно известных университетов, после неравной схватки с бандитами, пытавшимися принудить его отдать им его собственную квартиру, принял смерть в своем времени, в своем теле, в возрасте шестидесяти девяти лет. Перед тем как испустить дух, он, по просьбе своего покойного друга, корейского монаха, которого привел с собой пленником из диверсионного рейда во времена Корейской войны, а потом спас из застенков МГБ, нахлобучил на голову некий головной убор, именуемый Белым Шлемом. Это ли послужило причиной, либо что иное, однако он не попал на тот свет, а очнулся в теле умственно недоразвитого парня по имени Грон, подвизавшегося в качестве мальчика на побегушках в толпе припортовых оборванцев, живущих за счет мелкого воровства и погрузочных работ в большом, по местным меркам, торговом порту, в мире, едва достигнувшем уровня развития древних греков и римлян. В новом для себя мире он прошел тернистый путь, сначала попав в рабство, затем в плен к пиратам, потом странствуя с караваном торговцев, работая сельскохозяйственным рабочим и табунщиком и наконец став уважаемым заводчиком лошадей. Однако все это время за ним следили враждебные глаза, и многое из того, что происходило с ним, вовсе не являлось случайностями этого жестокого мира, но было результатом усилий некоей могущественной организации, обладающей тайной, однако наиболее сильной властью в этом мире. Эта организация именовалась Орденом. И в конце концов Грон столкнулся с Наблюдателем Ордена лицом к лицу. Оценив все, что ему удалось узнать, он решил вступить в схватку с Орденом. Собрав войско, стал сначала князем долины, а затем Старейшим князем Атлантора, страны северных гор. Став Старейшим, он получил в руки невиданную власть. Его отряд, не мудрствуя лукаво названный им Дивизией, разросся до нескольких десятков тысяч человек. После чего Орден пришел к выводу, что этого Измененного необходимо остановить, не считаясь уже ни с какими потерями, и бросил в бой сначала кочевников, а потом одновременно армии двух самых могучих государств – Венетии и Горгоса. Грону удалось привлечь на свою сторону кочевников, после чего он вступил в войну с остальными. Во время решитель-

ного боя погиб один из высших иерархов Ордена, который руководил этой войной, а в плен попал сам принц горгосцев, командовавший всем экспедиционным корпусом. Это означало конец войне. Горгосцы ушли, а Орден прислал парламентаря с предложением объявить перемирие на пять лет.

Грон вздохнул. С тех пор прошло уже почти четыре года, и последнее время его все больше мучили тяжелые предчувствия. Сложно представить, чтобы Орден до конца сдержал слово. А это значит, что со дня на день надо ждать удара. Только вот когда точно? И где?

За спиной раздался шорох, Грон обернулся. Толла потянулась на ложе и, распахнув свои огромные глаза, повела по сторонам еще томным со сна взором. Заметив Грона, она улыбнулась, еще раз выгнулась, потягиваясь, и грациозным движением села на кровати. Тут лицо ее нахмурилось, и она встревоженно спросила:

– Что случилось, любимый?

Грон покачал головой и ласково улыбнулся:

– Ничего, просто радуюсь солнечному деньку и тому, что могу провести его с тобой.

Толла несколько мгновений тревожно смотрела на него, но Грон сохранял на лице веселую мину, что, впрочем, было не так уж трудно, имея перед глазами столь великолепный объект, потом расслабилась, тряхнула волосами и тихонько засмеялась. Грон почувствовал, как в сердце ударила мягкая волна восторга. Эта женщина могла по-прежнему свести его с ума одной своей улыбкой. Тут за пологом, закрывавшим арку двери, послышалось торопливое шлепанье босых детских ножек. Грон поспешно накинул на плечи край тоги. Он еще не настолько проникся местными нравами, чтобы предстать нагишом перед собственным сыном. Толла хихикнула. Она частенько подтрунивала над подобными комплексами мужа. По-видимому, она и сейчас собиралась сказать что-то ехидное, но в этот момент полог распахнулся – и пред ними предстал маленький Югор. Увидев, что родители уже проснулись, он восторженно завопил и, вытянув руки, на которых болтался большой тряпичный горный барс, громко возвестил:

– Снежный хотит падаяваться.

Грон шагнул вперед, с серьезным видом погладил барса по пятнистой спинке и произнес:

– Доброе утро, Снежный, как вы провели ночь?

Югор прижал игрушку к себе и серьезно заявил:

– Мы пали киепко.

Толла с улыбкой наблюдала за ними. В этот момент раздался крик Лигейи. Толла соскользнула с ложа и подбежала к детской кроватке, стоящей в углу спальни. Лигейя уже стояла на ножках и тянула к ней ручки. Когда мама с дочкой вернулись к своим мужчинам, те уже вовсю возились на ложе. Стоило Лигейе увидеть отца и брата, как комнату огласил еще один радостный вопль. Спустя мгновение на ложе образовалась куча мала из четырех тел. Старая няня, только теперь успевшая подняться по лестнице вслед за шустрым мальчуганом, привалилась к косяку, с улыбкой слушая радостные детские вопли и залихватистый смех. Эта семья мало чем напоминала привычные патрицианские семьи, где отец начинает узнавать сына в лицо, только когда тот переходит спать на мужскую половину дома, а дочь, когда принимается подыскивать ей партию для замужества. Те же, кто был перед ней, искренне любили друг друга. На глаза нянечки навернулись слезы, и она, достав амулет Матери-солнца, зашептала над ним страстную молитву. Слишком много она видела на своем веку примеров тому, что счастье мимолетно, а расплата за подаренные им мгновения – слишком велика. Закончив с молитвой, нянечка спрятала амулет и, выйдя в коридор, устроилась на небольшой скамеечке, дожидаясь, когда мальчика можно будет отвести в купальню. Это произошло только спустя полчаса.

После завтрака семейство отправилось кататься. Грон посадил Югора в маленькое креслице, прикрепленное к передней луке его седла, а Толла вместе с Лигейей ехала в колеснице, которой управляла Беллона. Франк скакал рядом, его Эмиор был еще слишком мал для таких прогулок.

– Папа, моти, каяблик! – восторженно завопил Югор, указывая на панораму порта, открывшуюся перед ним. Франк усмехнулся:

– Твой сын прав, сейчас это нечастое зрелище.

Грон кивнул. В последнее время морские путешествия стали слишком опасным делом, и купцы все реже снаряжали торговые караваны к другим берегам. На западе рыскали горгосцы, на востоке – венеты, и нужно было нанимать слишком большую охрану, чтобы иметь шансы проскочить. Правда, оставался еще юг, но там были ситаккцы. И хотя они редко нападали на большие караваны, но столь долгий кружной путь требовал слишком много припасов и сулил столь серьезные расходы, что на прибыль можно было не рассчитывать. Так что идти мимо Ситакки имело смысл только в одиночку, в крайнем случае парой, надеясь больше не на силу, а на удачу. Охотники пока еще находились, но их с каждым годом становилось все меньше и меньше. К тому же доходили слухи, что элитийских купцов не очень приветливо принимают в горгосских и венетских городах, а несколько кораблей даже ограбили, убив при этом их владельцев, да и капитанов тоже, а команды продав в рабство. По-видимому, мысли Франка текли в том же направлении.

– Думаешь, работа Ордена?

– Думаю, да. Но это мелочь – нападения на купцов. Так что пока можно считать, что перемирие соблюдается. – Грон усмехнулся. – Кто бы мог подумать, что оно затянется так надолго?

Франк кивнул:

– Ну, ты-то зря времени не терял.

Грон вздохнул:

– Боюсь, что они тоже.

Они вернулись во дворец с боем полуденного колокола. После обеда Грон, Франк, Комар и Толла собрались в угловой башне. Все знали, что через несколько дней Грон уедет и за это время им надо было еще очень многое сделать. Но сегодня Грон собрал их как бы на итоговый разговор. Он хотел перед отъездом точно уяснить, как начинается этот год.

Тяжело вздохнув, Грон произнес:

– Ну что ж, друзья, есть ли у кого-то сомнения, что наше перемирие с Орденом подходит к концу?

Все невольно вздрогнули от этого вопроса. Франк ответил за всех:

– Нет.

Несколько мгновений стояла тишина, потом Грон спокойно попросил:

– Я хочу, чтобы каждый из вас проанализировал все, что он знает с этой точки зрения, и ответил мне, что, по его мнению, Орден уже предпринял против нас. – Он сделал паузу. – Это были слишком спокойные годы, друзья, и волей-неволей мы расслабились, а потому мы вполне могли этой весной что-то упустить. Что-то, что показалось случайностью, не заслуживающей ни вашего, ни моего внимания. Для нас сейчас очень важно узнать, что они собираются предпринять. Угадать направление удара, который они готовят.

Некоторое время все молчали, потом Франк окинул всех спокойным взглядом и негромко произнес:

– Море.

Комар встрепенулся:

– Видимо, да, венетские галеры и горгосские триеры рыскают у самых берегов, и даже каботажные капитаны испытывают страх, выходя в море. К нам еще захаживают купцы из Тамариса или с Аккума, реже венеты, но наши даже не рискуют собирать караван. – Он помолчал. – Я слышал, несколько человек хотят сговориться с капитанами венетских торговцев и попытаться проскользнуть через ситаккские воды. Но мало кто верит, что у них что-то получится.

Франк добавил:

– Горгосцы разграбили несколько рыбацких деревень, и теперь даже рыбаки не часто рискуют выйти в море.

Комар подтвердил:

– Цена на рыбу на базаре взлетела до немыслимых высот. – Он возмущенно фыркнул. – Когда вы видели, чтобы корзинка белогрудки стоила целых два золотых? Да сейчас на рыбе можно озолотиться.

Грон усмехнулся:

– Может, мне со своими кораблями заняться ловом рыбы? Заодно и денег заработаю.

Все рассмеялись, и это несколько сняло напряжение, повисшее в комнате. Вдруг Грон повернулся к Комару и спросил:

– Как скоро ты сможешь узнать имена тех купцов, что собирались договариваться с венец-тами?

Комар насторожился:

– К вечеру, а что?

Грон сделал неопределенное движение рукой:

– Так, есть одна мысль, но мне надо знать, как у них дела с деньгами.

Все недоуменно смотрели на него. Грон рассмеялся:

– Просто я хочу получать деньги, ничего не делая. В моем мире это называется страховка. – И, насладившись зрелищем недоуменных лиц, пояснил: – Мы заранее берем определенную сумму денег, скажем, пятую часть стоимости груза, корабля и какую-то часть тех денег, в которые они оценят свои жизни. Если плавание пройдет успешно, то деньги остаются нам, но если нет – мы выплачиваем всю сумму.

Комар некоторое время смотрел на Грона, потом замотал головой:

– Абсурд! Сейчас нет почти никаких шансов на то, что они проскользнут. Так что мы только потеряем деньги. А потом, если все наладится, кто захочет просто так отдавать свои деньги?

Грон усмехнулся:

– Ты не совсем прав. Сейчас мы, скорее всего, действительно потеряем деньги. Но при нормальной обстановке у нас не так много шансов уговорить купцов расстаться с деньгами на подобных условиях. К тому же, если они поплывут на венецких кораблях, расходы будут не так высоки, только на возмещение стоимости груза и суммы, в которую будет оценена жизнь самого купца. Кроме того, чуть позже я тебе расскажу, что такое отлаженная страховка, и кое-что еще. Для начала надо показать, что это работает, отладить механизм и создать ажиотаж, а начать получать денежки можно, когда прижмем горгосцев. Мы же в любом случае скоро ими займемся.

Комар задумчиво кивнул:

– Что ж, можно попробовать. Но все равно я думаю, что, когда серьезная угроза спадет, число желающих платить за это деньги сильно сократится.

Грон покачал головой:

– Не думаю, что так уж сильно. Ты недооцениваешь силу привычки. К тому же всегда есть опасность налететь на рифы, попасть в сильный шторм, да мало ли еще. – Он махнул рукой. – К тому же пираты. Так что... – Грон усмехнулся, – это работало в моем мире, и, можешь мне поверить, я знаю, как заставить это работать здесь. Ну да ладно, какие еще идеи?

Они закончили, когда солнце уже село. Комар еще порывался что-то сказать или спросить, но Франк двинул его локтем под ребро и выразительно скосил глаз в сторону Толлы, которая, улыбаясь, смотрела на Грона. Комар запнулся на полуслове и торопливо поднялся.

Когда они ушли, Толла встала, распустила волосы, и, подойдя к Грону, опустилась к нему на колени, и прижалась. Тот обнял ее. Толла замерла, а потом еле слышно произнесла:

– У меня большие планы на сегодняшнюю ночь, любимый.

– Такие же, как и на предыдущую? – улыбнулся Грон.

Она мотнула головой, хлестнув его своими роскошными волосами.

– Больше.

И вдруг замерла. Грон некоторое время молча обнимал ее, потом почувствовал, как ему на грудь упала слеза. Он осторожно отстранил лицо жены и повернул к себе:

– Что с тобой, малыш?

Дрожащими губами она тихо произнесла:

– Ох, Грон, что бы дальше с нами ни было, я благодарна богине, что она подарила мне встречу с тобой.

Грон несколько мгновений молча смотрел в ее наполненные слезами глаза, потом губами высушил их и произнес:

– Что бы дальше с нами ни было, запомни одно: я приду за тобой, за вами даже в Мир мертвых. – Он помолчал и неожиданно севшим голосом закончил: – Ты только дождись меня, ладно?

Грон выехал на рассвете. Его немного шатало в седле. Со вчерашнего вечера он ни на минуту не сомкнул глаз. Когда он вспоминал прошедшую ночь, то ему вдруг пришла в голову мысль, что Толла, кроме всего прочего, постаралась сделать его импотентом на ближайшие семь лун. Что ж, ей это полностью удалось в моральном плане, вряд ли какая еще женщина сможет теперь его удовлетворить, и почти удалось в физическом. К полудню он понял, что если не поспит, то вряд ли когда доберется до Корпуса, как теперь именовалась изрядно разросшаяся Дивизия. Сначала Грон намеревался уже к полудню добраться до первой курьерской заставы, где его должен был ждать эскорт из «ночных кошек», но быстро понял, что после такой бурной ночной жизни, продолжительностью в целую четверть, вряд ли сумеет доехать даже завтра к вечеру. Если хоть немного не отдохнет. Он пропустил мимо какого-то суматошного курьера, бросившего на него испуганный взгляд и судорожно подхлестнувшего лошадь, потом, воровато оглянувшись, не заметит ли кто, что Великий Грон собирается среди бела дня завалиться спать, свернул с дороги и спустя полчаса въехал под сень известной ему еще со старых времен, но совершенно незаметной с дороги рощицы. Когда он миновал первые деревья, то облегченно вздохнул и похвалил себя за то, что принял решение оставить эскорт на первой курьерской заставе от Эллора. Такие заставы он устроил еще в первый год после войны, так что любое известие теперь проделывало путь от Герлена до Эллора за неделю. А срочные переносились голубями всего за пару дней. К тому же участок от Герлена до Фарн уже был оборудован гелиотелеграфом, который использовался и для передачи частных и коммерческих сообщений, что приносило неплохие деньги и должно было принести средства для завершения строительства линии до самой столицы. Хорошо бы он сейчас выглядел в глазах бойцов. Великий, Железный и Непобедимый – еле живой после ночи с женщиной. Грон усмехнулся и, морщась, сполз с седла. Здесь, в самом центре рощицы, была премиленькая полянка с сонной травой, а у дальнего конца лощинки сочился между камней родничок, стекавший в каменную выемку, за долгие века выдолбленную водой в грубом валуне. Этакий райский уголок для влюбленных. Правда, добраться сюда можно было только пешком или верхом на такой твари, как Хитрый Упрямец, а элитийские девушки не имели привычки трястись в седле или часами топтать по солнцепеку. К тому же подобных райских уголков было сколько угодно и гораздо ближе к обитаемым местам или к самой дороге, так что, судя по всему, сюда никто никогда не заглядывал. И если бы не его привычка в бытность десятником базарной стражи гонять своих ребят по самым глухим и непролазным местам, он вряд ли бы сам узнал о существовании этого места.

Расседлав и стреножив Хитрого Упрямца, Грон раскатал плащ под кряжистым дубом и, прикинув, где будет солнце часа через два, улегся точно на это место.

Ну, конечно, он проспал. А может, просто его хранили местные боги. Когда Грон проснулся, уже почти совсем стемнело. За пять зимних лун он отвык спать на земле, и потому все тело ломило, а голова от долгого сна на солнцепеке была тяжелой. Грон сполоснул лицо, но потом решил, что этого мало, и искупался в чистой ледяной воде. Стало немного легче. Он оседлал Хитрого Упрямца, с усмешкой подумав, что упражнения, подобные тем, которыми ему пришлось заниматься последнюю четверть, вполне могут загнать в гроб гораздо эффективнее, чем все усилия Ордена. Но это была скорее ироничная, чем тревожная мысль. Он чувствовал себя пока еще не совсем в норме, а потому решил идти пешком, ведя Хитрого Упрямца в поводу. Тот, конечно, мог даже в кромешной тьме пройти по почти отвесному склону, однако Грон пока не был готов при этом болтаться в седле, стиснув коленями конские бока и вцепившись в узду, – Хитрый Упрямец всегда двигался с полным презрением к комфорту всадника. Он считал, что всадник должен быть достоин его и раз уж сел ему на спину, то как там удержаться – это его проблемы.

Они двинулись в путь. Грон сразу круто забрал влево, решив срезать путь через знакомую ему лощину. Через пару тысяч шагов почва под ногами стала более мягкой. Это означало, что они начали спускаться в лощину. Цоканье копыт Хитрого Упрямца стало почти неслышным. Грон брел за Хитрым Упрямцем, стараясь не споткнуться о корень, как вдруг конь остановился и еле слышно всхрапнул. Это было столь неожиданно, что Грон чуть не налетел на его круп. Обычно именно так Хитрый Упрямец предупреждал его о тающейся впереди опасности, и еще не было случая, когда он ошибся. Грон несколько мгновений стоял, тупо уставясь на лошадиный хвост. С тех пор как стратигом стал Франк, местные систрархи с помощью стратигария хорошо почистили страну. И хотя нельзя было сказать, что разбойников не осталось совсем, но так близко от столицы... Грон и его конь, пятясь, отошли назад, после чего Грон завязал поводья на луке седла и показал Хитрому Упрямцу кулак. Тот недовольно фыркнул, но, когда Грон скользнул в темноту, остался на месте.

Нет, за пять зимних лун он действительно потерял форму. Пока Грон подбирался к небольшому костерку, горевшему на узкой поляне в середине миртовых зарослей, он трижды хрустнул веткой, пару раз вляпался рукой в чей-то помет и один раз вынужден был подняться в рост, чтобы перебраться через поваленный ствол дерева. Однако, как бы там ни было, вскоре он сидел в кустах и, чуть отвернув голову в сторону, чтобы пламя костра не слепило, напряженно вслушивался в перебранку у костра.

– Едет, едет! Где он едет?! От столицы досюда десять миль. Если он выехал поутру, куда он мог деться? – Этот грубый и сиплый голос принадлежал дюжему волосатому мужику с торчащими во все стороны длинными космами. Ему ответил более тонкий голос:

– Я сам обогнал его за пару миль до поворота. – Голос дрогнул. – Когда он глянул на меня, у меня аж мурашки пошли по коже. – Голос сделал паузу. – Говорят, он может голыми руками придушить горного барса, и не одного. А свою крепость на севере он основал именно там, где за один день изничтожил сотню горных барсов. Местный князь отдал ему долину, надеясь, что барсы его сожрут, а он их всех передумил и основал там свою крепость, куда стали стекаться все разбойники и убийцы. И сейчас он навевает страх на все горы.

Грон невольно улыбнулся. Он уже не раз слышал о себе похожие легенды. И, честно говоря, в том, что к нему в Корпус поступали люди, у которых за плечами была не очень доброспорядочная биография, была изрядная доля истины. Грон давал им еще один шанс. Что, впрочем, не все правильно понимали, к своей собственной беде. Корпус жестоко расправлялся с теми, кто позорил его имя.

– Кончай болтать. От пяти арбалетных болтов не спасет никакое умение. Если он действительно проедет здесь, то мы его прикончим, а если нет, то, значит, боги выкинули ему нужные кости и у твоего хозяина не будет причин быть нами недовольным.

– Господин Алкаст сказал, что заплатит остальное, если только увидит его голову, – обиженно произнес тонкий голос. В ответ собеседник звучно рыгнул и заворчал:

– Коли так, то пусть сам на него и охотится. Немного найдется людей, кто рискнет пойти по следу Великого Грона.

Собеседники замолчали. Некоторое время был слышен только треск угольев, потом послышался хруст сучьев, и на поляну вывалился еще один мужик. Шмякнувшись у костра, он протянул руки к огню и хрипло буркнул:

– Замерз.

Сиплый мужик, по-видимому являвшийся вожаком, недовольно спросил:

– Ты че приперся?

Тот отмахнулся:

– Да ладно, он явно вернулся или поехал по другой дороге. За это время оставшиеся две мили можно на пузе проползти, а этот сопляк говорит, что он ехал на лошади.

Грон задумался. То, что Алкаст, исчезнувший во время штурма Элора, выплыл из небытия, лишний раз подтверждало, что ситуация начинает обостряться. Хотя, судя по тому, каких он набрал исполнителей, сомнительно, что его нападение непосредственно связано с планами Ордена. Эти тупицы вряд ли способны на большее, чем стянуть и прирезать крестьянского кабана. Похоже, их всего пять или шесть человек, не считая того хлипкого, но надо было проверить. Грон скользнул в темноту. К восходу луны он знал расположение всех семерых. Трое торчали в расщелине, выходящей на Пивиниеву дорогу, со взведенными арбалетами, двое и курьер сидели у костра, и оба их арбалета были разряжены, а один торчал с лошадьми на опушке рощицы у противоположного края лощины. Грон отполз к Хитрому Упрямцу, отдышался, в очередной раз уже привычно прокляв и пять зимних лун, и тяжелую последнюю четверть, потом проверил оружие и снова скользнул в темноту.

Первым делом он покончил с лошадиным сторожем. Это оказалось непросто. Он трижды замирал, дожидаясь, когда встревоженные лошади прекратят возбужденно фыркать и переступать ногами, пока подобрался на дистанцию броска ножа. Однако сторож, похоже, был полным валенком в лошадях, потому что, когда рослый жеребец попытался встревоженно куснуть его за плечо, выругался и заехал ему кулаком по морде. За что и был наказан. Уж чего-чего, а попасть ножом в цель с десятка шагов Грон сумел бы даже после недельного поноса и с завязанными глазами. К тому же он решил не рисковать и метнул нож в грудь, а не в голову. Следующими были трое в расщелине. Однако когда Грон покончил с ними, его начало одолевало беспокойство. Он внимательно осмотрел арбалеты. Это были самоделки, причем слишком дрянные, чтобы из них можно было попасть в движущуюся мишень дальше чем на десяток шагов, да и то при большой удаче. Плечи луков были из недостаточно высушенного дерева, тетива из сырой бычьей кожи. По его мнению, эти грубые поделки скорее были предназначены для того, чтобы убедить самих стрелков, что они смогут что-то сделать, чем действительно представляли для него какую-то угрозу. Даже если бы он ехал по дороге, ничего не зная о засаде. Единственное, на что они были действительно годны, – это грозно выглядеть издали. Он внимательно осмотрел тела стрелков. Вряд ли они когда раньше занимались стрельбой. На руках не было характерных мозолей, да и пальцы были слишком грубые и заостренные, чтобы суметь произвести мягкий спуск. С этой засадой явно было что-то не то. Он несколько минут напряженно размышлял, потом решил изменить свой первоначальный план. Вообще-то он намеревался просто выскочить к костру и скрутить всех троих, чтобы потом попытаться разговаривать главаря и второго бандита. Поскольку с «хилым» он собирался потолковать попозже и гораздо подробнее. Но сейчас он пришел к мнению, что, пожалуй, не стоит долго торчать на свету.

Когда он подобрался к костру, оба бандита валялись на шкурах, а «хилый» старательно подкладывал хворост в костер. Пламя взметнулось слишком высоко, и вожак недовольно заорал:

– Ну ты, хиленьш, я тебе руки пообломаю, ты что, не видишь, люди спать улеглись? Ну-ка притуши костер!

Тот сглотнул и пробормотал:

– Я... боюсь темноты.

Вожак свирепо вскинулся:

– Тебе что сказано, гаденыш!

Грон подобрался. Этот парень явно знал что-то, что не было известно вожаку. Вожак тем временем засветил парню по щеке с такой силой, что тот повалился на траву и, ругаясь, начал вытаскивать из костра и тушить горящие головни. Через пару минут на поляне стало заметно темнее, и Грон решил, что время пришло. Он с резким выдохом метнул два сюрикена и бросился вперед. На третьем шаге он засветил «хилому» кулаком по горлу (в отличие от удара ребром ладони, при таком ударе вероятность летального исхода существенно меньше) и, подхватив на плечо обмякшее тело, скорее не услышав, а почувствовав хлопок тетивы настоящего боевого арбалета, не останавливаясь, отпрянул в сторону. Влетев в чащу, он сбросил с плеча «хилого» и резко развернулся, привычно зажав пальцами сюрикены. Два бандита, громко вопя, отползали от костра, зажимая на ногах широкие порезы, сделанные сюрикенами, а у самого костра, на том самом месте, где он почувствовал хлопок тетивы, из пожухлой прошлогодней травы торчал кончик арбалетного болта, ушедшего в землю по самое оперение. Грон прикинул направление. Видимо, стреляли с дерева. Но сколько было стрелков? Он несколько мгновений раздумывал, а потом решил рискнуть. За прошедшее время первый стрелок никак не успел перезарядить арбалет, так что если их больше – второй будет вынужден выстрелить сразу. Грон выскочил на поляну и скользящим шагом двинулся к поскуливающим бандитам. Он шел, всей спиной ощущая напряженный враждебный взгляд. Бандиты ошарашенно и испуганно пялились на него. Когда, по его расчетам, стрелок должен был бы перезарядить свой арбалет, Грон слегка сдвинулся в сторону. Ему совсем не хотелось, чтобы стрелок, промазав по нему, попал в одного из бандитов. Наконец он дождался. Новый хлопок тетивы. Грон метнулся вбок и бросил взгляд в том направлении, откуда раздался звук. На фоне звездного неба четко отпечатались силуэт высокой ели. Грон кувыркком выкатился с поляны и стремительно метнулся в чащу. Спустя несколько минут он был под елью. А еще через минуту стрелок, оказавшийся дюжим мужиком, – судя по наголо обритой голове, бывшим, а может, и настоящим реддином, – мешком лежал у корней дерева.

Рассвет Грон встретил на поляне. Все четверо пленников, хорошо увязанные, молча смотрели, как он неторопливо уплетал найденные в одном из мешков лепешки и холодное вареное мясо. Когда Грон окончил трапезу и повернулся к ним, два бандита заерзали. Грон несколько минут молча рассматривал их всех, а потом негромко спросил:

– Ну? – подождал несколько мгновений, потом, лениво растягивая слова, произнес: – Я вижу, вы никогда не слышали, *как* я задаю вопросы. – Он сделал угрожающую паузу. – Что ж, кому-то из вас не повезет первым.

Бандиты, как он и предполагал, не выдержали. Оба торопливо, перебивая друг друга, заговорили, вываливая на Грона ворох практически бесполезной информации вперемежку с мольбами и горячими заявлениями о том, что они-то совершенно не собирались делать Великому Грону ничего плохого, поскольку всю жизнь являются его горячими сторонниками. Наконец Грону это надоело. Он исподтишка посмотрел на «хилого», время от времени бросающего взгляды на презрительно улыбающегося «реддина» и, подобно ему, упрямо стискивающего губы. Грон понял, что добиться чего-то от «реддина» будет непросто. А он не собирался здесь

надолго задерживаться, но если на примере «реддина» показать «хиляку», что происходит с особо упрямыми, то с ним уже разговор пойдет гораздо легче. Он вздохнул и, буркнув:

– Хватит, заткнитесь, – повернулся к «реддину»: – А теперь я хочу узнать, что хочешь сказать мне ты?

Улыбка у «реддина» на лице помертвела, он уставился в глаза Грону, и, видимо прочитав в его глазах свой приговор, гордо вскинул голову, и произнес:

– Я умру, Измененный.

Грон усмехнулся, услышав из его уст столь четкое подтверждение того, что это покушение имеет отношение к Ордену, потом деланно тяжело вздохнул и ответил:

– Если бы ты знал, парень, как это для тебя будет мудрено.

Прошло три часа. Грон подъехал к курьерской заставе и, бросив поводья подбежавшему коноводу, жестом подозвал выскочившего на крыльцо командира десятка «ночных кошек». Указав на дорогу, он отрывисто приказал:

– Милях в восьми отсюда есть поворот. На самом повороте у левого склона – расщелина. Пошли пятерых. Там лежат четверо связанных. Один из них к вашему приезду, возможно, будет мертв. Но если он еще будет жив, постарайтесь с ним поаккуратней. Он знает много интересного. – И Грон спокойно закончил: – Всех доставить к лейтенанту Смурату.

Командир коротко кивнул и мгновенно исчез внутри домика заставы. Через несколько мгновений из дверей вылетели пятеро бойцов и, вспрыгнув на лошадей, на рысях выскочили за ворота. Грон усмехнулся. Да, видно, эти ребята, в отличие от него, не теряли времени зря. Он тряхнул головой и пошел к двери. На мгновение возникла мысль захватить «хилого» с собой, он так и не успел вытянуть из него все, что тот знал, но отбросил ее. Конечно, Смурат это не Яг и не Слуй, но и он не даром ест свой хлеб, и потом Грону надо было торопиться. Судя по тому, что он уже успел узнать, нынешнее лето будет очень непростым. И многое зависело от того, что он успеет сделать, прежде чем схватка развернется в полную силу.

Спустя два часа Грон выехал из ворот на свежем коне, ведя в поводу Хитрого Упрянца и еще одного, заводного. До того как откроются все перевалы, оставалось еще около полулуны, и он намеревался успеть в крепость Горных Барсов не позднее чем через луну после Дня весеннего поцелуя, когда Мать-солнце и Отец-луна равняют свою власть и делают день равным ночи. А для этого надо было поторопиться.

Грон выехал из-за выступа скалы и придержал коня. Перед ним лежал Герлен. До крепости было еще около двух часов пути, но по сравнению с тем, сколько он уже проехал, это были уже семечки. Грон вздохнул полной грудью. Элмор был местом, где жила его семья, и там ему, конечно, было хорошо. Но именно здесь он чувствовал себя дома. В Атланторе. В крепости Горных Барсов, в Восточном и Западном бастионах, и особенно здесь, в Герлене. Грон глубоко вдохнул свежий, пахнувший морем воздух и тронул коня.

Оставшаяся за спиной дорога была достаточно тяжела, но небесполезна. С первого же привала он стал приводить себя в порядок, устраивая сначала трехминутные, а потом и более длительные спарринги с бойцами. Сначала он уставал даже от пятичасовой тряски в седле, но через пару дней уже вошел в ритм и спокойно проводил в седле по семь – десять часов в день. К исходу второй четверти они достигли Фарн, где его ждало сообщение, пришедшее по гелиографу за день до их прибытия, в котором говорилось, что начальник кузнечных цехов Угром просит Великого Грона прибыть в долину Баргот. Пришлось сделать крюк и заехать, куда просили.

Угром встретил его в воротах нового кузнечного цеха. Когда Грон спрыгнул с коня, Угром крепко облапил его, а потом, загадочно улыбаясь, поманил за собой:

– Пойдем, у меня для тебя сюрприз.

Он отпер дверь в небольшую комнату, служащую ему рабочим кабинетом. Грон невольно замер на пороге. У дальней стены на нескольких крючках висел полный доспех, состоящий из шлема с полуличиной, брамицы, кирасы и кольчужных рукавов со стальными манжетами, стальных ножных щитков и кольчужной юбки. Угром гордо смотрел на него.

– Это седьмой вариант. В нем можно даже бороться. Уже пробовали.

Грон подошел поближе и придиричиво осмотрел поверхность, потом достал кинжал и попробовал острием прочность кольчужной сетки, а затем сильно ударил в грудь. Доспех отозвался густым глубоким звоном. Угром возбужденно пояснил:

– Бесполезно. Даже топор проникает только на палец. Самый страшный для него – прямой удар копьём на всем скаку, но обрати внимание на угол наклона передней пластины кирасы. Надо очень постараться, чтобы нанести прямой удар.

Грон кивнул:

– Молодец. – Он посмотрел на Угрому, в глазах которого прыгали хитрые чертики, и добавил: – Но, как мне кажется, это не все, чем ты собираешься меня сегодня удивить.

Угром довольно засмеялся:

– Ничего-то от тебя не скроешь, Грон. – И торжественно произнес: – Только в этом цеху я могу делать пять таких доспехов в день.

Грон удивленно посмотрел на него и попросил:

– Объясни.

Угром возбужденно замахал рукой:

– Пошли, сам увидишь.

Они вышли во двор и прошли к громаде кузни, прилепившейся к скале у искусно сложенной из каменных глыб плотины с водяным колесом, ось которого, представлявшая собой мореный четырехугольный брус со стороной почти в четыре ладони, проходила сквозь боковую стену цеха. Когда они вошли внутрь, Угром тут же направился к огромному сооружению, по виду напоминающему механический молот, но намного более громоздкому. Грон подошел ближе и понял, что это явно не молот. Баба «молота» была изрезана какими-то выемками и выступами, а формой он напоминал вытянутый прямоугольник. Угром придиричиво осмотрел сооружение, провел рукой по тускло блестящей наковальне, идеально ровной, но почти совпадающей с молотом по ширине и длине, и, повернувшись, поманил Грона за собой. Они отошли к дальней стене. Угром достал из кармана что-то напоминающее беруши и протянул Грону. Тот уже догадался, что сейчас произойдет, но решил не лишать Угрому момента триумфа. Они вставили беруши в уши, потом натянули еще тугие меховые шапки с ушами и завязали их под подбородком. Наконец Угром с побледневшим лицом протянул руку и два раза ударил в колокол. Звона почти не было слышно, но по тому, что каменный пол под ногами стал слегка вибрировать, Грон понял, что рабочие открыли заслонку плотины. Угром еще больше побледнел и взялся за рычаг. Рывок. Грон, не отрываясь, смотрел на пуансон. Тот дрогнул, на мгновение как бы завис, потом рухнул вниз по направляющим, быстро набирая скорость. От удара стены цеха вздрогнули, а над полом пронесся вихрь пыли, выбитой из самых укромных уголков. К рухнувшему пуансону подбежали несколько рабочих и поймали цепи, сброшенные вниз с блока, прикрепленного к потолку. Сноровисто подцепив их крюками за угловые петли, рабочие отбежали назад. Угром потянул другой рычаг, и цепи начали медленно натягиваться, пуансон медленно и величаво пополз вверх. Они подошли к матрице. В ее углублениях лежали четко вырубленные заготовки для доспеха. Остатки металлического листа, который Грон и принял за наковальню, валялись на полу. Угром, уже сняв шапку и вытащив беруши, что-то возбужденно говорил Грону. Тот усмехнулся, сделал знак подождать и в свою очередь вытащил из ушей затычки. Бросив шапку с берушами какому-то рабочему, он спросил:

– Сами придумали?

– Пришлось, – усмехнулся Угром, – когда при первом испытании у половины рабочих кровь из ушей пошла.

Грон еще раз окинул взглядом сооружение.

– И сколько у нас таких установок?

– Пока одна, – оживленно заговорил Угром, – самое сложное было угадать с массой молота. Слишком легкий не вырубал детали, а слишком тяжелый – плющил и металлический лист, и наковальню. – Он с гордостью кивнул на пуансон, все еще медленно ползущий вверх: – Этот тоже плющит заготовки, но немного, так что получается еще иковка.

– И долго угадывали? – полюбопытствовал Грон.

Угром довольно засмеялся:

– Да, в общем, нет. Вообще-то это идея Улмира. Ты как-то рассказывал ему о штамповке, ну он и решил, что стоит попробовать приспособить это дело к производству доспехов. – Угром довольно захихикал. – Вообще, в этом его Университете довольно толковые ребята, так что молот они сразу сделали с возможностью изменения веса. – Он ткнул пальцем вверх: – Там есть несколько штырей с гайками, на них просто надеваешь по одной металлические пластины и крепишь. Так что нужный вес подогнали довольно быстро.

Грон посмотрел на поднятый к потолку пуансон:

– Пожалуй, мне стоит заскочить в Университет. Интересно, что они там еще понапридумывали?

До Университета Грон добрался всего за четверть. Они подъехали к воротам на вечерней заре. Студенты уже оттрапезничали, и с внутреннего двора раздавался шум и веселый смех. Грон подъехал вплотную к створкам и, не слезая с коня, пнул сапогом в окованные бронзой ворота. Некоторое время ничего не происходило, потом из-за калитки раздался веселый голос:

– В такой поздний час добрые люди не ездят. Иди-ка ты дальше, странник. В деревне есть трактир, в нем вино, а подают его пухлые и добрые служанки. Что тебе делать ночью в сей обители науки, где угрюмые студенты все дни, а особенно ночи с голодной страстью грызут твердый камень науки?

Грон расхохотался:

– Открывай, угрюмый, мой желудок переварит любой камень. Да пошли за ректором. Пусть передадут, что приехал тот, перед кем так или иначе открываются все запоры в этой стране.

За калиткой раздался удивленный возглас, потом послышались торопливые шаги, чей-то голос придушенно-изумленно воскликнул:

– Понял! – И калитка медленно распахнулась.

Улмир встретил его на пороге учебного корпуса. Грон спрыгнул с коня и шагнул к другу. Они обнялись, потом Грон хлопнул его по плечу и весело сказал:

– Ну давай, вожак грозной стаи угрюмых студентов, рассказывай, что вы еще тут напридумывали.

Грон покинул Университет только через четверть. Он был слегка ошеломлен тем, насколько быстро питомцы Улмира впитывали и переваривали знания. Им пока не хватало фундаментальной базы, и он клятвенно пообещал Улмиру, что приложит все усилия, чтобы поскорее закончить давно обещанные Улмиру учебники по физике и математике. И сейчас ломал голову, прикидывая, как умудриться это сделать. А Улмир с жаром принялся за воплощение идеи, которой Грон собирался было в ближайшее время заняться лично. В его мире это называлось крекингом. Им предстояли морские бои, а есть ли у боевых кораблей, как и у всего, что изготовлено из дерева, более страшный враг, чем огонь? Он рассчитывал развернуть производство зажигательных бомб для катапульта, но для этого ему было необходимо научиться выделять из местной нефти, которую здесь называли земляным маслом, верхние фракции. Врубившись в идею, Улмир заверил его, что через пару лун они уже смогут собрать первый

вариант установки. И после того, что Грон увидел в Университете, у него не было причин не доверять заявлению его ректора.

В крепости Горных Барсов Грон задержался всего на полчетверти. Гагригд сделал уже шестой выпуск Академии, и Грон, по традиции, провел торжественную церемонию. В Корпусе все было в порядке. Одновременно с выпуском в дивизиях прошли торжественные прощания с ветеранами. Два года назад они приняли решение ограничить срок службы для рядовых и сержантов пятью годами, так что в некоторых местностях уже сформировались землячества ветеранов Корпуса. Финансовые дела также были в порядке. С тех пор как Грон внедрил доле-вое участие в реализации проектов двойного назначения, вроде того же гелиографа или организации книгопечатания, у дверей корпусного казначея всегда была очередь из купцов и Всад-ников, горящих желанием вложить денежки в задумки самого Великого Грона. У всех был перед глазами неслыханный успех систрарха Фарн, разбогатевшего на доходах от гелиографа. И никому было невдомек, что тот согласился вложить деньги в эту безумную идею, когда кин-жал Яга уже прорезал кожу на его яйцах.

Грон заменил в крепости Горных Барсов десяток эскорта и отправился дальше. Ребятам, проторчавшим полгода на вольных хлебах и в безопасности, надо было вновь дать почувство-вать вкус боя. На лето Корпус почти в полном составе покидал зимние квартиры и уходил в лагерь, отряжая около половины своих воинов на патрулирование в степи. За последние пять лет очень много вольных земледельцев переселилось в степь, и распаханые земли простира-лись от предгорий уже почти на пять дней пути всадника. Степнякам это не нравилось, и они частенько устраивали мелкие стычки, но на большую войну пока не шли. Корпус научил их уважению к себе.

Грон оглянулся на следовавший за ним десяток и, дав шенкеля Хитрому Упряму, пустил коня легкой рысью. Десяток молча следовал за ним. Когда они съехали с горной дороги, ворота Герлена отворились и навстречу выехало около трех десятков воинов. С последнего поста гелиографа, который они миновали полчаса назад, передали, что Грон на подходе, и Яг, по совместительству выполнявший обязанности командира гарнизона, выехал навстречу с почет-ным эскортом.

Они встретились в ста шагах от ворот. Некоторое время оба просто смотрели друг на друга, и Грон почувствовал, как на сердце разливается теплая волна. Как-то так получилось, что за последнее время они с Ягом сделались особенно близки. Сиборн, Дорн, Ливани и осталь-ные были в отдалении, занимаясь важными делами или командуя войсками, и только Яг нахо-дился при Гроне неотлучно, постепенно становясь как бы его тенью, занимаясь самыми гряз-ными делами, зная почти все его тайны и всегда вовремя подставляя Грону свое могучее плечо. Грон спрыгнул с коня и шагнул к спешившемуся Ягу. Они обнялись, и Яг прошептал ему на ухо:

– Добро пожаловать домой, Грон. – И оба знали, что это было правдой.

На следующий день Грон в сопровождении капитана Гамгора отправился на верфи. Пер-вая встреча Грона и капитана произошла около пятнадцати лет назад. В год, когда Грон только появился в этом мире. Именно на его корабле он пытался уплыть с Тамариса и именно с ним принял свой первый морской бой. Грон уже почти забыл о том случае, как вдруг одним осен-ним вечером в ворота Герлена постучали несколько человек и сказали, что они хотят видеть Грона из Тамариса. Часовой недоуменно уставился на них, но с привычной четкостью доло-жил по команде. Информация быстро дошла до Яга, и он распорядился пропустить посети-телей. Когда Грон вышел к ним, стоявший впереди несколько мгновений всматривался в его лицо, потом торжественно кивнул, и все прибывшие опустились перед Гроном на колени. Когда окончилась немая сцена и Грон поднял старшего с колен, тот гордо вскинул голову и торже-ственно произнес:

– Мы выполнили свое обещание, и теперь у каждого из нас есть сын, носящий одно из твоих имен. Мы счастливы, что ты жив, и готовы служить тебе по клятве рода.

Все они давно уже прошли «давяльный чан» и почти все стали капитанами боевых кораблей. А сам Гамгор второй год обучал команды тонкостям морского боя и был как бы заместителем Грона по флоту.

Верфи помещались в небольшой бухте, укрытой за мысом, отделявшим залив, в котором располагалась крепость Герлен. Бухта была со всех сторон окружена скалами. Так, что ее невозможно было увидеть ни со стороны моря, ни с суши. Когда они въехали в кольцо скал и холмов, окружавших бухту, Грон невольно ахнул. Среди десятка небольших островов юрких унирем, собранных на береговых стапелях, и полудюжины таких же, но почти законченных и болтающихся у самого берега, на дальнем конце ряда возвышался большой двухпалубный красавец с двумя мачтами, которые пока, правда, имитировали два длинных обрубка бревна.

– Ну как? – усмехнувшись, спросил Гамгор.

Грон покачал головой:

– Все как сговорились преподнести мне приятные сюрпризы.

Гамгор грустно усмехнулся:

– Все гораздо проще, Грон. В воздухе пахнет бурей, причем страшной, и все это чувствуют. Раньше мы бы просто попытались забиться поглубже в щель и переждать, пока грозу пронесет, молясь о том, чтобы нас поменьше зацепило. Но ты приучил Корпус и Атлантор к мысли, что можно побороть бурю. И все мы решили идти с тобой. А потому... – он улыбнулся и кивнул в сторону корабля, – мастер Смигарт, например, последнюю луну спал всего по два часа в день.

Они как раз подъехали к кораблю. Грон спрыгнул с седла, резво взбежал по перекинутым с земли мосткам на палубу и крепко стиснул в объятиях выскочившего из чрева корабля невысокого, сухого старичка, который и был тем самым мастером Смигартом.

– Спасибо, отец, не ожидал.

Старичок расплылся в дурацкой улыбке, а в его глазах сверкнули слезы.

Они облазили корабль снизу доверху. Смигарт, настороженно поблескивая глазами, виновато объяснял, что вот тут пришлось сдвинуть крепления мачты, а тут изменить число гребных мест, поскольку испытания на модели показали, что в противном случае «центральный корень» корабля, как они называли центр тяжести, оказывался слишком высоко. Грон торопливо кивал, а когда они выбрались наружу и спустились на песок, задал вопрос, все время вертевшийся у него на языке:

– За какое время вы строите один такой корабль?

Мастер Смигарт бросил испуганный взгляд на Грона и, смущенно потупившись, ответил:

– На этом корабле работают две бригады мастеров, которые мы используем для постройки одной униремы. – Он чуть помолчал и закончил: – И этот корабль мы почти закончили за две луны. – Тут он виновато развел руками, но потом поспешно добавил: – Конечно, второй пойдет легче. Я думаю, уложимся в полторы луны.

Грон задумчиво потер подбородок:

– А унирему вы делаете чуть больше двух четвертей... – Он повернулся к Гамгору: – Мне нужно больше таких кораблей. Пусть бригады, которые заканчивают униремы, переходят на строительство этих кораблей. – Потом окинул взглядом сбежавшихся отовсюду мастеров и обратился к корабельному мастеру Смигарту: – Вы сотворили прекрасный корабль, уважаемый Смигарт, и я надеюсь, что вы предоставите мне возможность бросить в бой эскадру таких кораблей не позже чем через две луны.

Когда они возвращались в Герлен, Гамгор заметил:

– Похоже, в ближайшие две луны я не смогу отыскать на верфях ни одного спящего человека.

Весь вечер Грон просидел, зарывшись в карты, перечерченные с карт купцов и морских разбойников и сильно уточненные за последние три года экипажами унирем в тренировочных походах, а на следующий день снова вызвал Гамгора:

– Вот что, старина. Горгосцы и венеты попытались взять нас за горло. – Он бросил на Гамгора испытующий взгляд, но тот усмехнулся и кивнул:

– Экипажи докладывали после тренировочных рейдов, что у южного побережья не протолкнуться от горгосских триер. Да и здесь, на севере, их тоже хватает.

Грон кивнул в ответ и продолжил:

– Так вот, я хочу прошупать, каковы горгосцы на море, и для этого собираюсь вскоре сойтись с ними поближе. Мне нужен знающий капитан, чтобы попробовать, чего стоят в бою моряки, и заодно проверить на прочность горгосцев. – Он откинулся на спинку и закончил: – Твои выводы, адмирал?

У Гамгора весело блеснули глаза.

– Сколько унирем готовить к походу, командор?

Грон рассмеялся:

– Засиделся, морской волк. – И, добродушно махнув рукой, ответил: – Пять.

Когда Гамгор вышел на крепостной плац, по небу неслись низкие тяжелые тучи. Он несколько мгновений недоуменно разглядывал их, будто удивляясь, почему в такой день на небе не сияет солнышко, но потом, приглядевшись, понял, что тучи несутся в сторону Горгоса. И это показалось ему добрым знаком. Капитан рассмеялся и двинулся к арсеналу.

Тревожный бой сигнального колокола всколыхнул Герлен за два часа до полудня. Грон выскочил из кабинета, вслушался в сигнал, понял, что звонят «Угроза с моря», и окинул горизонт. Невооруженным взглядом никакой опасности видно не было, и это означало, что у гарнизона есть в запасе, как минимум, час. Грон хмыкнул. На суше уже давно никто не рисковал нападать на Корпус. Что ж, на море они еще не имели такого авторитета. Пока. Он повернулся и пошел в кабинет вооружаться.

Корабли показались через час после полудня. Они шли вдоль берега, и их было шестнадцать. К этому времени находившиеся в гавани семь унирем давно вышли за пределы бухты и маячили где-то у горизонта, дожидаясь момента, когда можно будет ударить в тыл, а на стенах и башнях застыли расчеты баллист и катапульт и воины с арбалетами. Корабли подошли ко входу в гавань и остановились. От флагмана отделилась шлюпка и поплыла к пирсам. С гребня стены Грон смотрел, как шлюпка скользит по ровному зеркалу воды, сегодня было необычайно тихо и безветренно, потом махнул рукой Ягу и двинулся вниз к воротам.

– Пошли, по-моему, эти ребята собираются только поговорить.

Яг заворчал:

– Тебе не стоит спускаться. Я и сам могу поговорить.

Грон усмехнулся:

– По всей видимости, они жаждут увидеть именно меня.

– Но твоя безопасность...

– Ты считаешь, что наши ребята, в случае чего, не успеют спустить тетиву раньше, чем они? Или что они смогут прирезать меня как барана?

Яг хмуро буркнул:

– Мало ли чего? – но замолчал и покорно двинулся следом.

Шлюпка уткнулась в пирс прямо напротив Грона. Из шлюпки выскочил высокий молодой парень в живописном халате, обвешанный мечами, кинжалами и ножами, будто храмовая гетера медными побрякушками. Бросив по сторонам насмешливые взгляды, он небрежно поклонился и прокричал:

– Великий адмирал Тамор шлет привет Великому Грону и просит узнать, не соблаговолит ли Великий Грон встретиться с ним на предмет разговора, интересного для обеих сторон.

Грон несколько мгновений задумчиво рассматривал парня, потом повернулся и негромко приказал Ягу:

– Передай на корабли – пусть возвращаются. – Потом повернулся к посланцу и с легким поклоном произнес: – Передай Великому адмиралу Тамору, что Великий Грон просит его со всеми своими людьми быть его гостем.

Парень окинул его несколько удивленным взглядом, после чего недоверчиво и как-то попростому, не так напыщенно и высокомерно, как первый раз, спросил:

– Ты, парень, у него самого-то спроси, а то вдруг...

Грон усмехнулся:

– Дело в том, что он сам тебе и ответил, – и неторопливо пошел к воротам.

Тамор почти не изменился, только слегка погрузнел, видимо от добротной пищи и мало-подвижного образа жизни, хотя это, конечно, как посмотреть, да у висков начала пробиваться седина. После недолгого приглядывания друг к другу они опрокинули по кубку дожирского, бочонок которого Грон берег для особых случаев, и разговор пошел уже гораздо свободнее.

– Так что, как видишь, хоть я и не взлетел так высоко, как ты, но среди портовой швали тоже не остался. – Тамор освежил глотку добрым глотком дожирского и продолжил: – Погуляли мы знатно. В тот год венеты назначили за мою голову награду в тысячу золотых. А последние два года моя эскадра была личной эскадрой гологолового Сгномбе, Верховного жреца – правителя Хемта. Да будет ему пища камнями, а вино мочой. – Тамор сплюнул. – Большей сволочи я не встречал. Все его величие заключалось в том, что он отлично умел изображать каменного истукана от рассвета до заката, сидя на птичеголовом троне в центральном зале храма-дворца Четыре камня, – Тамор сделал паузу, – хотя платили они изрядно. Но сколько можно просто изображать из себя грозных вояк, а не заниматься делом?! И когда до наших краев докатились слухи о некоем Гроне, который солидно надрал задницу венетам и горгосцам, я вспомнил о тебе и решил, что парень, выросший в портовой гряде Тамариса, никак не может забыть о флоте. И, как видишь, не ошибся. – Он налил себе еще дожирского, залпом осушил кубок и улыбнулся. – Так что если тебе нужны хорошие корабли и отличные моряки, я в твоём распоряжении.

Грон откинулся на спинку кресла и посмотрел в окно. Он знал, что не примет предложение Тамора, но так просто отпускать его не хотелось. Он чувствовал, что Тамор является именно тем, за кого себя выдает, – хорошим моряком и умелым адмиралом с богатым боевым опытом. А это было как раз то, чего ему сейчас не хватало. Но флот был частью Корпуса, и Грон твердо знал, что он ею и останется. Он некоторое время раздумывал, как поймать Тамора на крючок, потом решил рискнуть:

– Извини, Тамор, я готов взять тебя в учителя или, по старой дружбе, помочь тебе деньгами, но ни нанимать твою эскадру для разовых поручений, ни принимать ее на службу как часть моего флота я не буду. Все, кто служит в моем флоте, – члены Корпуса, и никого больше там не будет. – И он закончил деланно безразличным тоном: – Впрочем, если кто из твоих людей захочет поступить в Корпус, то вполне может попытаться после прохождения «давяльного чана» стать моряком.

Тамор усмехнулся:

– Даже я?

Грон, не отводя взгляда от окна, едва заметно кивнул. На несколько мгновений в комнате воцарилась тишина, потом Тамор шумно выдохнул:

– У меня шестнадцать галер и почти тысяча лихих ребят, а ты предлагаешь мне – МНЕ! – идти в гребцы или палубные матросы как какому-то рабу или безземельному. Я – Тамор! Знаешь ли ты, что означает это имя?

Грон посмотрел прямо в налившиеся кровью глаза. Несколько мгновений они бодались взглядами. Наконец Тамор скрипнул зубами и отвел глаза. Грон покачал головой:

– Тамор, Тамор. – Он вздохнул. – Сказать по правде, я хотел бы иметь тебя своим адмиралом, но... Пойми, пока ты не пройдешь то, через что прошел здесь любой, пока не проникнешься духом Корпуса, ты не сможешь ни командовать этими людьми, ни понять, что ты делаешь не так.

– Если ты помнишь, я держал в руках самых крутых головорезов Тамариса, – заявил Тамор.

Грон снова покачал головой:

– Не то. Каким образом ты делаешь накачку своим парням, когда посылаешь их в бой? Что-то вроде: вперед, там бабы, вино и золото?

Тамор, криво усмехаясь, смотрел на него. А Грон продолжил:

– А мои командиры говорят другое: ребята, мы – это Корпус. И это срабатывает не хуже твоего.

Тамор расхохотался:

– Ну-ну, прямо как у горгосцев: Магр смотрит на нас. Да они у тебя дубоголовые!

Грон усмехнулся и поднялся на ноги:

– Пойдем.

Они спустились на плац. Завернув за угол, прошли вдоль стены и, пройдя сквозь калитку в стене, вышли к большому стрельбищу. Тамор остановился и удивленно распахнул глаза. Вдоль стены на вкопанных в землю стволах мерно раскачивались на канатах нетесанные бревна. На них стояли воины с арбалетами в руках. Ближние были в легких одеждах, те, что чуть дальше, – в полных доспехах. Перед ними на различном расстоянии располагались разнообразные мишени. У ближних – большие круглые срезы деревьев с черным пятном в середине, у дальних – срезы поменьше от деревьев потоньше, а в дальнем конце двора шла череда вкопанных столбов, между которых, подобно стрелковым местам, раскачивались круглые диски размером едва больше ладони. В другом углу стрельбища на чудовищных опорах покачивались площадки, на которых были закреплены корабельные баллисты и катапульты. Воздух гудел от звуков спускаемых тетив и треска рычагов катапульт, ударяющихся об ограничители. Тамор заметил, что Грон, улыбаясь, смотрит на него, и захлопнул рот. Над стрельбищем пролетел хриплый сигнал рога, потом засвистели боцманские дудки и раздались голоса:

– Стой, прекратить стрельбу, собрать стрелы.

– Не хотите ли посмотреть, уважаемый? – спросил Грон.

Тамор коротко кивнул и быстрым шагом двинулся к мишеням. У неподвижных мишеней число стрел, воткнувшихся в цель и упавших на землю, было приблизительно равным, но там, где мишени раскачивались, они были утыканы арбалетными болтами гораздо гуще. Тамор с задумчивым видом вернулся к стене.

– Сколько у тебя кораблей?

– В строю сорок два. Но почти все сейчас в разгоне. Спущены на воду и имеют команды еще пятнадцать. Эти пока пошлепают по окрестностям, попробуют взять друг дружку на абордаж, и только через полгода я отпущу их куда подальше.

Тамор уважительно кивнул и, пожевав губами, осторожно спросил:

– А какой флот ты хочешь иметь?

– В той эскадре, которая будет базироваться здесь, будет кораблей двести – двести пятьдесят, а всего... – он пожал плечами, – не знаю. Сколько будет нужно. Может, тысячу, может, пять тысяч, а может, всего пятьсот.

Тамор аж задохнулся, услышав такие цифры.

– И у тебя есть деньги на то, чтобы построить такой флот?

Грон усмехнулся:

– На пять тысяч пока нет. Но на сотню-другую кораблей хватит. Хочешь посмотреть корабли?

– Я уже видел. В гавани. Сказать по правде, они не производят особого впечатления. Борты низкие, мачта высоковата, тарана нет. Если бы не десяток воинов, я бы подумал, что это немного увеличенные ладьи морских разбойников. А те никогда не отходят от побережья дальше чем на день пути.

Грон хитро прищурился:

– Эти корабли предназначены не для того, чтобы производить впечатление, их цель – преподнести сюрпризы особо ретивым. Но есть еще другие. В бухте, за дальним молом. – Он повернулся и сделал знак рукой. Спустя некоторое время из-за поворота вылетела широкая добротная дорожная колесница, запряженная парой лошадей, и лихо подскочила к ним.

Через четверть часа Тамор стоял у блестящего свежей смолой борта корабля, восхищенно водя ладонью по ребристому боку, а рядом бормотал надувшийся от гордости корабельный мастер Смигарт:

– Стодвадцативесельная дирема. Две мачты, стальной таран, четыре баллисты и две катапульты. Двести восемьдесят человек команды. Берет на борт шесть тысяч стоунов груза.

Тамор расхохотался:

– Да ты можешь заделаться купцом, Грон, с такой-то загрузкой. – Он отбежал подальше, окинул корабль взглядом, потом повернулся к Грону: – А сколько он несет воинов?

– Ты же слышал – двести восемьдесят.

Тамор недоуменно уставился на него:

– Да, но гребцы-рабы...

Грон покачал головой:

– В моем флоте нет рабов. Каждый корабль несет две полные смены гребцов, два десятка стрелков с дальнобойными арбалетами, палубную команду и расчеты баллист и катапульт. Когда же начинается абордаж, в бою участвуют все.

Тамор некоторое время, прищурясь, рассматривал корабль, потом с сомнением протянул:

– Хитро придумано, но воинам грести...

– Зато он несет почти в три раза больше воинов, чем любой схожий по классу.

Тамор расхохотался:

– Да, он преподнесет большой сюрприз любому, кто рискнет отнести к нему как к обычному кораблю, постой... – Тамор ошеломленно повернулся к Грону, – так эти твои маленькие униремы тоже... не имеют рабов?

Грон утвердительно кивнул. Тут уж Тамор заржал как сумасшедший:

– Представляю, какой сюрприз ждет тех, кто вздумает немного пожить! – Он задумался. – Слушай, но как они не опрокидываются при такой мачте?

– Это пока тайна Корпуса. Могу, правда, сказать, что эта тайна называется «шверт».

Они вернулись в кабинет Грона только к вечеру.

На следующий день Тамор собрал своих людей. Когда почти тысяча молодых в пестрых одеждах, увешанных оружием и золотыми украшениями, столпилась у пирсов, вперив взгляд в своего могучего предводителя, Тамор одним махом вскочил на бочку, поставленную стоймя, и окинул своих воинов гордым взглядом.

– Эй, псы морей! Пять лет я водил вас в набеги. Пять лет мы с вами брали на меч толстобрюхих купцов. Я начал это дело с одной галерой, а теперь у меня шестнадцать кораблей. На той галере нас было всего два десятка, сейчас нас почти тысяча мечей. Тогда мы были жалкими оборванцами, сейчас на ваших шеях блистают золотые цепи, а на пальцах перстни с драгоценными камнями. Любая портовая шлюха или дорогая гетера сочтет за честь принять у себя воина из стаи Тамора. И даже те, кто сложили головы в жарких схватках, были достойно

приняты богами, ибо я никогда не скупился на обильную поминальную жертву их богам. И сегодня я хочу спросить вас – довольны ли вы своим адмиралом?

Над пирсами разнесся восторженный вопль, так что чайки, парившие над самой водой, испуганно прыгнули вверх. Когда крики немного поутихли, один из капитанов, старый седоусый Имфар, шагнул к Тамору и негромко спросил:

– К чему ты это говоришь, Тамор? Разве кто-то из нас когда-нибудь давал тебе повод усомниться в своей верности?

Тамор отрицательно качнул головой.

– Нет. Но я хотел еще раз услышать это, – он тяжело вздохнул, – в последний раз.

Над пирсами повисла мертвая тишина. Слышно было даже, как стучат каблуки смены караула, идущей по дальней стене крепости. Затем раздался чей-то изумленный вскрик:

– Но почему, адмирал?!

Тамор вскинул голову:

– Я остаюсь.

Над пирсом опять повисла тишина, и Имфар осторожно спросил:

– Ты переходишь на службу в Корпус?

Тамор кивнул:

– Да.

– Но разве Корпусу не нужны другие умелые моряки? Или адмирал Тамор сомневается в доблести своих людей? – Он чуть возвысил голос: – Если же у Корпуса нет денег, то мы согласны служить за долю добычи. – Он вновь понизил голос и закончил: – И разве не за этим ты привел нас сюда?

Над пирсами прокатился одобрителный рев. Тамор грустно улыбнулся и поднял руки:

– Вы не поняли, друзья. Корпус не принимает на службу людей, которые не прошли свой путь в Корпусе с самого начала. Я не буду адмиралом Корпуса и не могу остаться на службе во главе эскадры.

Над пирсами в третий раз повисла мертвая тишина, несколько мгновений спустя, когда каждый переварил эту новость, Имфар опасливо, будто боясь услышать ответ, спросил:

– Кем же ты собираешься стать, Тамор?

Тот ухмыльнулся и рявкнул:

– Макрелью!

Над пирсами пронесся изумленный вздох. Так называли матросов, впервые ступавших на палубу корабля. Некоторое время никто не мог произнести ни слова, потом вперед шагнул Смагар, молодой горговец, которого Тамор только два месяца назад поставил капитаном небольшой галеры:

– А скажи-ка, Тамор, в этот самый Корпус зовут только тебя или кто еще может попробовать?

Тамор улыбнулся:

– Попробовать – еще не значит быть принятым. Рискнуть может любой, Смагар. Но разве тебе не хочется остаться капитаном галеры? Мне казалось – это мечта всей твоей жизни.

– То, что хорошо для моего адмирала, – хорошо и для меня, – заявил Смагар и хитро прищурился. – А что касается капитанства, то я думаю, адмирал тоже не собирается до конца жизни прозябать в матросах. И почему бы мне в меру своих сил не последовать его примеру?..

И опять над пирсами воцарилась тишина, но на этот раз ее разбил громкий многоголосый хохот.

Два дня спустя Тамор старательно двигал ногами, поднимаясь все выше по петлистому серпантину в шеренге сводного маршевого полка. У поворота он на мгновение выскочил из строя, шагнул к краю уступа и бросил взгляд на открытую взору морскую гладь. У самого горизонта виднелись три мазка парусов. Это было все, что осталось от эскадры Тамора, да и

на тех было едва по половине команды. Бывший адмирал вздохнул. В этот момент за спиной раздался голос сержанта:

– Эй, парень, ну-ка займи свое место в строю.

Тамор резко развернулся и гордо вскинул голову, но сержант спокойно стоял и смотрел на него, как человек, имеющий право отдавать приказы и умеющий добиваться их выполнения. Мимо шли его парни, тревожно поглядывая на своего адмирала, готовые по одному жесту прийти ему на помощь. Тамор взял себя в руки: не стоит начинать службу с конфликта с непосредственным командиром, он бросил последний взгляд на горизонт, громко рывкнул уже почти ставшее привычным:

– Слушаюсь, сержант, – и побежал догонять строй.

Его ждал Западный бастион.

Грон бросил прощальный взгляд на стены Герлена, кивнул Ягу и взбежал по трапу на палубу униремы. Гамгор энергично взмахнул рукой, подав сигнал швартовой команде. Те быстро убрали трап и скинули швартовы с причальных бревен. Гребцы быстро оттабанили назад, кормчий налег на рулевое весло, Гамгор пролаял команду, и унирема, развернувшись буквально на месте, резво пошла к выходу из гавани, где ее уже ждали четыре ее сестры.

Первые три дня они шли вдоль берега. Горгосцев здесь быть не могло. На побережье Атланта не было крупных портов, а те, что были, служили скорее логовами прибрежных разбойников, предводительствуемых лихими лордами побережья, такими, как знаменитый лорд Газаг. Так что единственное, что горгосские триеры гарантированно могли бы получить в этих портах, – это добрую сталь в глотку. Но когда до Фероса, первого элитийского порта на побережье, оставался один дневной переход, Грон свернул дальше в море. Здесь уже могли ошиваться горгосцы, но он хотел забраться поглубже к югу. Ибо основные силы были где-то на траверзе Сомроя. И значит, там была большая вероятность взять в плен кого-то хорошо информированного. За следующую четверть они семь раз убрали паруса и, завалив мачты, уходили дальше в море или разбегались на две стороны, заметив пурпурный парус горгосской боевой триеры. Судя по количеству встреченных триер, у горгосцев бултыхалось в море не меньше четырех – шести сотен кораблей, практически весь их флот. Траверза Сомроя они достигли к середине второй четверти со дня выхода из Герлена, и этот день стал днем первого боя.

Вернее, все произошло поздно вечером. Траверз Сомроя они миновали около полудня, по широкой дуге обойдя на веслах рыскающие почти у берега триеры горгосцев, но потом взяли ближе к берегу. В этом месте береговая линия начинала поворачивать на восток, и Грон решил на следующий день развернуться и, уже двигаясь в сторону дома, начать охоту за пленными. На закате они перестроились. Четыре униремы шли под парусами кильватерной колонной ввиду берега, а одна находилась в дозоре и потому двигалась мористее. Дозорная унирема шла без мачты, на веслах, чтобы быть менее заметной.

Они только начали огибать очередной мыс, как с дозорной униремы масляной лампой подали сигнал. Гамгор пока слабо умел читать морзянку, которую Грон, не мудрствуя лукаво, внедрил и на флоте, и как сигнальную систему гелиографов, правда, дав и там и там каждому знаку свое, отличное от другой системы, кодовое значение. Но сам Грон умел это делать прекрасно, потому повернулся к сигнальщику и приказал:

– Передать на корабли: «Завалить мачты, приготовиться к абордажу». – А потом велел Гамгору: – Возьми мористее, я хочу посмотреть сам.

Гамгор молча выполнил распоряжение, но спустя некоторое время спросил:

– Что они увидели?

– Они передали три сигнала: «Враг», «Бой» и «Пожар на воде», – ответил Грон, – а что это означает, мы сейчас увидим.

Когда ходко идущая унирема обогнула выступающий в море мыс, глазам Грона предстала несколько жутко выглядевшая на фоне темнеющего неба картина. Шесть горгосских триер зажали у скалистого берега четыре элитийские диремы. Одна из дирем уже горела, выбрасывая в небо густые клубы черного дыма от горящей смолы, другая, полузатопленная, колыхалась на воде с проломанным бортом чуть в стороне от места основной схватки, а с находящейся рядом триеры расстреливали плывущих к берегу элитийцев из луков. На двух остальных диремах, борта которых тоже были проломлены таранами триер и они не тонули только потому, что были крепко сцеплены абордажными крючьями с пятью горгосскими кораблями, все еще шел бой. Грон скрипнул зубами и прикинул шансы. Горгосские триеры были мощными боевыми кораблями, несущими на борту баллисты и катапульты, что, впрочем, в данный момент было не так важно, с тремя сотнями гребцов и со ста двадцатью воинами на каждой. Диремы были меньше. На каждой всего сто пятьдесят гребцов и до восьмидесяти воинов, от которых, скорее всего, осталась жалкая горсточка. Его воины еще ни разу не участвовали в морских схватках, но на их стороне была внезапность и лучшая выучка. Короче, к настоящему моменту силы были почти равны.

– Насколько я знаю, для горгосцев совсем не характерно ходить шестерками? – обратился он к Гамгору.

Капитан кивнул:

– Точно, они либо ходят в одиночку, либо более крупными эскадрами в несколько десятков кораблей.

– Значит, – размышлял Грон, – вероятнее всего, они специально охотились за этими диремами. А такую охоту вряд ли возглавит рядовой капитан. – Он помолчал. – К тому же я хочу знать, за чем это они так охотятся.

Гамгор недоверчиво поинтересовался:

– Ты хочешь провести первый бой при таком соотношении сил?..

– Иногда боги выбирают за нас, – усмехнулся Грон и скомандовал: – Сигнальщик, сигнал: «На абордаж».

Униремы вынырнули из ночи, как призраки касаток. Каждая скользнула к корме своей триеры и – то ли действительно боги этой ночью благоволили к ним, то ли кормчие все-таки были достаточно искусны – нанесли удар почти одновременно. Когда до кормы триеры оставалось около десятка локтей, Гамгор свирепо оскалился и надривно выкрикнул:

– Левый борт, гребки, правый – весла внутрь! – и всем телом налег на рулевое весло.

Унирема ударила крутым носом в основание последнего весельного порта нижнего ряда и, скрежеща обшивкой, въехала вверх по стыку борта и гребных камер второго и третьего ряда весел. В борта и палубу триеры тут же впились абордажные крючья. Палуба диремы перекосилась, но воины уже привычно быстро вскарабкались по набитым на палубе поперечным рейкам и горохом посыпались на верхнюю палубу триеры. Звонко хлопнули тетивы трех арбалетов, и кормчий с рулевыми, находившиеся на площадке у спаренных рулевых весел, повалились на доски. Горгосцы конечно же почувствовали удар, но сначала не могли ничего понять, и бойцы успели пробежать через всю палубу триеры, не разрядив арбалетов, походя зарубив десяток горгосских солдат и матросов, ошарашенно пытавшихся что-то сделать с толпой неизвестно откуда свалившихся им на голову воинов, и на мгновение замерли у возвышавшегося над палубой диремы борта триеры. Почти одновременно хлопнули несколько арбалетных залпов, смета с верхней палубы толпящихся на диреме горгосцев, а потом вниз посыпались бойцы с обнаженными мечами...

Спустя четверть часа все было кончено. Одинокая триера, до сего момента развлекавшаяся расстрелом плывущих элитийцев, только-только осознала, что с остальными происходит что-то неладное. Однако Грон сразу после того, как стало ясно, что горгосцы обречены, отправил назад три униремы. И когда триера, неторопливо развернувшись, начала движение к месту

боя, эти три униремы, резво сползая с уже захваченных триер, молниеносно развернулись и скользнули навстречу. Этот бой был более ожесточенным, но столь же скоротечным. Несмотря на то что две униремы все еще висели носами на триерах, ясно показывая, как атакуют эти неизвестно откуда взявшиеся враги, горгосцы не смогли ничего противопоставить подобной тактике. И когда с трех унирем после арбалетного залпа на палубу триеры хлынули бойцы, она была обречена.

Не успела еще заливавшая всю палубу диремы кровь стечь сквозь отверстия в фальшборте, как к Грону подбежал боец и, восторженно отдав честь, доложил:

– Там нашли живых элитийцев, командор. Капитан Гамгор просит вас подойти.

Грон двинулся за ним к рулевой площадке, где маячила фигура Гамгора. Элитийцев было пятеро, все, кто остался в живых. Они были в жреческих одеждах. Один лежал на палубе, остальные сидели рядом, привалившись к ограждению площадки. Все были ранены, а лежащий на палубе, судя по всему, должен был скоро умереть. Когда Грон взбежал на рулевую площадку по наклонному трапу, сидящие попытались выпрямиться, а лежащий с трудом повернул голову. Вдруг он удивленно распахнул глаза и с клекотом в горле прошептал:

– Великий Грон?!

Грон опустился на колено и взгляделся в лицо, обезображенное ударом меча. Это был Эомер, первосвященник храма Отца-луны, ставший им после исчезновения Алкаста Великолепного. Кстати, тогда, сразу после Освобождения, они так и не смогли доказать, что его предательство было вызвано злым умыслом. Хотя, конечно, и тогда, и особенно сейчас, после происшествия в лесу около Эллора, Грону все было ясно. У него никогда особо не складывались отношения с клиром Отца-луны. Особенно после того, как Яг хорошенько повычистил из жреческой среды собратьев Юнония. Вот и сейчас взгляд умирающего, которого Грон только что спас из лап горгосцев, совсем не горел благодарностью.

– Рад видеть вас живым, – сдержанно произнес Грон. Жрец с выражением вынужденной благодарности прикрыл глаза. Грон окинул взглядом лица сидящих рядом жрецов, на мгновение задержав взгляд на одном, самом худом, который смотрел на Грона наиболее вызывающе, и снова повернулся к Эомеру:

– Что вы везли, отец Эомер? Почему горгосцы так за вами охотились?

Умирающий страдальчески наморщил лоб и отхаркнул сгусток крови.

– Это священная тайна, Грон. Прошу тебя, раз ты помог нам отбиться от горгосцев, соверши еще один добрый поступок – помоги моим людям добраться до берега.

Грон покачал головой:

– Нет.

Отец Эомер дернулся и уставил на Грона яростный взгляд.

– Но... это необходимо.

Грон поднялся на ноги.

– Вам придется подождать.

– Почему?

Грон бросил взгляд на сереющий восток. Скоро должен был наступить рассвет. Времени на объяснения было не очень много. И будь на месте Эомера кто другой, Грон просто бы ответил: «Я так решил», но отец Эомер был неплохим человеком. И, несмотря на неприязнь, Грон считал его человеком, заслуживающим уважения. Поэтому он имел право хотя бы на намек объяснения.

– Насколько я могу судить по вашей реакции, ни вы, ни горгосцы не знали, что у Корпуса есть корабли? Так вот, я хочу, чтобы так оставалось и впредь. До тех пор, пока мы не будем готовы заявить о себе в полный голос. А если на побережье Элитии пойдут слухи – мои планы полетят псу под хвост. – Грон умолк, заметив, что у жрецов на мгновение презрительно вздернулась верхняя губа. В отличие от Тамариса, в Элитии собака считалась животным нечи-

стым. – Вернее, слухи пойдут в любом случае, – продолжил он, – потому что кто-то все равно спасся или видел бой с берега, но это будут слухи о том, что кто-то зачем-то сильно надрал зад горгосцам. А если проговорится кто-нибудь из ваших людей, эти слухи обретут конкретность. И вот этого я допустить не могу.

Несколько мгновений отец Эомер сверлил его взглядом, потом спросил:

– А если они поклянутся на дисках Кандора молчать?

Кто-то из элитийцев невольно охнул. Диски Кандора были главной святыней храма Отца-луны. По преданию, Кандор, легендарный прародитель элитийцев, получил их в дар от самого Отца-луны. На лицевой стороне каждого диска были выпуклыми письменами начертаны заповеди, а на обороте выдавлены грехи. Это была очень сильная клятва, особенно для жрецов. Грон вздохнул:

– Значит, вы везли диски Кандора.

Отец Эомер, тяжело дыша, смотрел на него, и взгляд его горел яростью. Грон усмехнулся:

– Подумай, мудрейший, разве не в полной тайне, укрепленной не менее страшными клятвами, вы готовили это путешествие, – он обвел взглядом всех жрецов, настороженно смотревших на него, – и разве не только самые верные и надежные были посвящены в его тайну, – он указал рукой в сторону залитой кровью палубы, – и каков результат? Неужели ты настолько наивен, будто можешь думать, что эта встреча в столь удобном для засады месте – простая случайность?

Грон сделал жест, обозначающий, что выводы не сможет сделать только неразумный, и закончил:

– Я не могу рисковать. – Он повернулся и бросил через плечо: – Вам окажут помощь.

В это мгновение один из жрецов вскочил на ноги, подскочил к лежащему, выхватил у него из-под головы укутанный в жреческий плащ резной ларец и бросился к борту. Хлопнула тетива арбалета, и жрец грохнулся на палубу. Ларец вылетел у него из рук и покатился по доскам. Жрец завизжал и попытался, волоча простреленную ногу, дотянуться до ларца, но один из воинов заступил ему дорогу. Грон досадливо поморщился. Не хватало еще совсем обострить отношения со жрецами. Грон взял в руки ларец, который протянул ему Гамгор, раскрыл и задумчиво провел пальцами по поверхности блистающих дисков. Потом закрыл ларец, наклонился, подsunул его под голову лежащего Эомера и посмотрел на валяющегося на палубе жреца, сверлившего его ненавидящим взглядом:

– Тебе тоже окажут помощь.

Он уже отошел на несколько шагов, но его остановил хриплый голос отца Эомера:

– Почему ты не взял диски, Великий Грон?

Грон, мгновение помедлив, ответил:

– До сих пор я обходился без них. К тому же, по преданию, тот, кто владеет дисками, – будет властвовать над миром. – Он сделал паузу. – А на кой мне надо вешать себе на шею столько забот?

Спустя четверть часа униремы и шесть захваченных триер устремились в море. Грон возвращался в Герлен.

Почти четверть они успешно уходили от встреч с горгосскими триерами, но когда до траверза Фероса оставался день пути, с двух унирем, идущих на веслах в десяти милях за колонной триер, передали сигнал: «Враг на горизонте». Грон, избравший местом своего нахождения одну из захваченных триер, поднял сигнал: «Взять мористее». Но через два часа от униремы, идущей на левом фланге, тоже поступил сигнал: «Враг на горизонте». Грон попытался увеличить ход, но несколько часов спустя стало ясно, что враг их заметил. Грон передал сигнал на унирему Гамгора с приказом прибыть к нему. Унирема Гамгора подошла почти вплотную к его триере, Гамгор перескочил через борт, пробежал по вытянутому вперед веслу и перепрыгнул на палубу триеры. Грон стоял на мостике и напряженно всматривался в карту. Эта часть

моря за последние два года была хорошо изучена и картографирована. Он сам прошлым летом бороздил ее почти две луны во время учебного похода отряда унирем. Когда Гамгор появился на мостике, Грон оторвал взгляд от карты и весело посмотрел на Гамгора:

– Тебе не кажется, капитан, что они думают, будто зажали нас?

Гамгор бросил осторожный взгляд на карту. Пока он не видел ничего веселого. Сзади их нагоняло семь боевых триер, и со стороны моря шло еще пять. А у них было всего пять унирем с двумя третями бойцов на каждой. Потому что по несколько десятков человек охраняли пленных на триерах. С любой половиной они бы смогли справиться, но стоило им вступить в схватку с одним из отрядов, как другой немедленно зажимал бы их в угол. Он видел только один выход – перебить пленных, поджечь триеры и попытаться оторваться. Что было вполне возможным, потому что униремы имели большую крейсерскую скорость, чем триеры. К тому же у них было две смены гребцов на веслах. Но, судя по всему, Грон ни за что не хотел бросать пленных и при этом весело смотрел на него. А потому Гамгор решил, что стоит воззвать к богам и, как это делали многие до него, положиться на удачу командора.

– Что, недоумеваешь? – Грон довольно хохотнул, потом сожалеюще посмотрел на Гамгора: – Не понимаешь?

Гамгор неопределенно пожал плечами. Грон снисходительно хмыкнул, потом развернул к нему карту:

– Что видишь, капитан?

Гамгор, по старой привычке морских разбойников скорее предпочитавший смотреть в море с рулевой площадки, чем в какие-то каракули на вощенной бумаге, непонимающе уставился на карту. Грон осуждающе покачал головой.

– Эх, Гамгор, Гамгор, ну вспомни, что от нас в трех часах пути на север?

Тут до Гамгора наконец дошло.

– Зубья дракона. – Он запнулся, восторженно глядя на Грона. – Нет, не зря тебя называют Великим.

Грон рассмеялся:

– Это точно. Если бы они догнали нас день назад... – Он кинул на карту еще один взгляд, потом отчеркнул ногтем какую-то линию. – Ну уж нет, я не только отобьюсь, я не отпущу назад ни одной триеры. – Он подмигнул Гамгору и наклонился к карте. – Слушай, что мы сделаем...

Через полчаса пять унирем, сбив тесный строй и завалив мачты, уходили на север, обходя по широкой дуге линию загонщиков, а триеры, перестроившись в тесную кильватерную колонну, взяли круто к западу и, на первый взгляд незаметно, но существенно снизив скорость, стали забирать мористее, будто нарочно давая отряду из пяти триер подойти поближе. В течение трех часов триеры медленно сокращали расстояние, пока наконец впереди не показались черные скалы архипелага Зубья дракона. Грон стоял на мостике головной триеры и, хищно ощерясь, бросал быстрые взгляды то на приблизившиеся корабли, то на быстро надвигавшиеся скалы. Преследовавшие их триеры тоже чуть снизили скорость, но он нисколько не был этим расстроен. Грон не собирался вступать в абордажную схватку, это было бы абсурдом. У него на шести триерах было, кроме гребцов-рабов, около шести сотен пленников, многие из которых были ранены, и всего девять десятков бойцов. По полтора десятка на каждой. До темноты оставалось еще около двух часов.

Когда до ближайшей группы скал осталось не более пяти миль, Грон приказал еще снизить скорость и поднять сигнал: «Следовать строго в кильватер». Пять триер уже подошли на дистанцию досягаемости выстрела из баллист, и в палубу последней триеры Грона одно за другим воткнулись два копья. Гребцы работали в самом низком темпе. Грон, сузив глаза и стиснув зубы, каждую минуту брал азимуты на характерную группу скал, находящуюся чуть восточнее и напоминавшую две рогатки. Наконец он оторвался от визира и повернулся к кормчему:

– Пора.

По этой команде кормчий вместе с воинами, исполнявшими обязанности рулевых матросов, навалился на рулевые весла, и триера начала резко поворачиваться влево, почти под прямым углом к прежнему курсу. Когда четвертая триера повернула вслед первой, горгосцы не выдержали. Пять триер ближнего отряда быстро перестроились в атакующую линию, и со стороны развернувшихся для атаки кораблей послышались убыстряющиеся звуки гонга. Гребцам задавали атакующий темп. Грон стоял на рулевой площадке, прикинув глазом к окуляру подзорной трубы. Со стороны могло показаться, что он напряженно смотрел в сторону приближающейся смерти, но его больше всего волновало, успеют ли исчезнувшие из виду униремы выйти на рубеж атаки второго отряда триер. Спустя несколько мгновений раздался треск. Грон перевел окуляр трубы на ближние корабли. Триера, шедшая второй слева в линии атаки, напоролась на рифы. Она с грохотом ударилась днищем о торчащий в воде острый осколок скалы, и таран на несколько мгновений полностью выскочил из воды. Потом триера завалилась на борт, и с верхней палубы в воду полетело несколько вопящих фигур, не успевших ухватиться за фальшборт или мачту. И тут же почти одновременно на камни налетели еще две триеры. Две оставшиеся начали быстро тормозить и отворачивать в сторону, но одна из них, еще не успев развернуться, получила две пробоины у самой кормы и начала тонуть, высоко задирая нос и заваливаясь на левый борт. Спустя несколько мгновений та же участь постигла и последнюю. Грон усмехнулся. Прибрежные воды архипелага Зубья дракона были напичканы рифами, как стручок горошинами. Но бой был еще не закончен, и потому он отвернулся от зрелища гибнущих кораблей и снова прикинул к визиру, ловя еле видимые в отблесках почти угасшего дня триангуляционные точки. Прошлым летом Грон дважды проходил по обнаруженному проходу. Но тогда он стоял на палубе одиночной униремы, которая имела гораздо меньшую осадку, и дело происходило ясным днем. Через четверть часа он снова оторвался от визира и, бросив повеселевший взгляд на кормчего, хмыкнул:

– Ну, да помогут нам боги.

Триера снова повернула, но на этот раз угол поворота был почти в половину меньше. Грон посмотрел в сторону едва видимого в сумерках второго отряда триер. Они уже отвернули, не рискуя в быстро наступающей темноте приближаться к оказавшемуся столь коварным архипелагу. Некоторое время Грон вел триеры по большой дуге, все больше забирая в сторону уходящего отряда, и наконец, когда силуэты горгосских триер почти потерялись на фоне ночного неба, со стороны уходящих кораблей послышался грохот и скрип трущейся друг о друга обшивки. Вскоре со стороны горгосских триер раздалось знакомые резкие хлопки арбалетных залпов. Когда шесть триер Грона подошли к месту схватки, бой шел только на двух последних триерах, у капитанов которых не хватило ума припустить во все тяжкие в то время, пока униремы атаковали пять их соратниц. Грон не стал подходить близко к захваченным кораблям и принимать доклады от капитанов, а просто приказал передать световой сигнал: «Возвращение на базу» – и дал команду на гонг увеличить темп работы веслами.

Спустя три дня на горизонте появились знакомые башни Герлена. Поход закончился. Но экипажам тринадцати триер, идущих под конвоем пяти унирем, этот пейзаж совсем не казался землей обетованной. Что ж, говорят, над воротами филиала ада, называемого Маутхаузен, было начертано: «Каждому свое».

Раскаленный докрасна металлический стержень медленно приближался к обнаженному телу, уже изрядно расцвеченному синяками и ожогами. Вот он на мгновение замер, потом качнулся вперед – и под сводами пыточной камеры раздался дикий вопль и запахло паленым мясом. Яг небрежно махнул рукой, и стержень, на два пальца погружившийся в мошонку, был выдернут наружу и брошен на решетку над жаровней – нагреваться для следующего захода. Какое-то время мужчина, привязанный к пыточному ложу, стонал, с натугой выпуская воздух

между изуродованных губ, потом вновь, в который уже раз, повернул горячечные глаза в сторону Яга и забормотал:

– Им уже овладевает жажда величия, ибо это в сути человеческой – стремиться к божественному... И первое, что он совершит, – это избавится от тех, кто видел его в низости. – Голос мужчины осекся и захрипел, но он торопливо облизал пересохшие губы и начал с новой силой: – И первым будет тот, кто знает его помыслы зачастую лучше, чем он сам, кто служит ему вернее, чем перчатка, надетая на руку. – Он попытался возвысить голос, но только сорвался и хрипло зашипел. – Разве не начал он скрывать от тебя свои мысли? Разве не отдалил от себя? Неужели ты не чувствуешь, что меч уже занесен над твоей головой?!

Яг вздрогнул и яростно махнул Слую, тот подхватил снова накалившийся стержень и воткнул лежащему в левый сосок. Камера снова огласилась диким визгом. Но через несколько минут человек забормотал вновь:

– Он не плоть от плоти и не кровь от крови этого мира. В его природе хаос, и через хаос он достигает своих целей. Ибо нет на этом свете богов, которые признали бы его своим... И с каждым шагом он все больше скатывается к безумию и гордыне... И в конце концов он увлечет к гибели и проклятию всех, кто стоит рядом с ним...

И снова дикий вопль. На этот раз штырь пробороздил грудь и живот. Но после небольшого отдыха снова:

– На смену ему должен прийти тот, кто плоть от плоти, кровь от крови этого мира, кто любим богами... И, предназначенный от рождения быть пылью под ногами властителей, станет властителем властелинов среди народов Ооконы. Иначе – смерть, смерть всему, созданному Творцом. – Мужчина на мгновение запнулся, потом проглотил комок в горле и забормотал с новой силой. Спустя несколько мгновений его болтовню прервал новый вопль. Когда Слуй вновь оторвал штырь от изуродованного тела, Яг поймал себя на мысли о том, что уже давно не задает схваченному посланцу Ордена вопросы. А эти пытки вызваны всего лишь желанием заткнуть рот этому назойливому бормотанию, которое какими-то отголосками перекликалось с обрывками мыслей, время от времени проскальзывающих у него в голове. Поэтому, когда Слуй очередной раз поднес штырь к телу пытаемого, Яг отрицательно мотнул головой, потом поднялся и, буркнув:

– Пока в казематы, – вышел из камеры, раздраженно хлопнув дверью. Остановившись сразу за дверью, он приложил ладонь к покрытым каплями камням стены и протер лицо влажной ладонью. Потом мотнул головой и двинулся вверх по лестнице.

Выйдя на крепостной двор, Яг привычно бросил взгляд в сторону моря. Это было даже немного смешно, поскольку наивно думать, что он сможет разглядеть возвращающиеся унформы раньше, чем наблюдатели на сторожевой или маяковой башне. А те, увидев, моментально дали бы сигнал дежурным у сигнального колокола. Но вот уже почти четверть Яг ловил себя на том, что каждый раз, подходя к окну или выходя на крепостной двор, смотрел на море. И еще он вдруг понял, что, смотря на море, всякий раз испытывает напряжение. Он сумрачно насутился и двинулся через двор. На площадке у ворот стояла в строю сотня новобранцев, только прибывших из Западного бастиона. Пару четвертей назад они закончили проходить «давящий чан» и вот сегодня прибыли к своему первому месту службы. Сержант, приведший маршевую роту, вышел из ворот с толпой старшин-моряков и, развернув список, начал громко выкрикивать фамилии. Услышав свою, бойцы привычно делали шаг вперед, а затем легкой рысью заскакивали за шеренгу старшин, пристраиваясь в затылок тому из них, кто небрежным жестом давал знать, что боец зачислен в его десяток. Яг наблюдал эту обычную для Корпуса сцену и вдруг почувствовал, что напряжение, которое не покидало его с того момента, как он начал допрос, отпустило. В конце концов, Яг был офицером Корпуса, а девиз Корпуса гласил: «Ты заботишься о Корпусе, а Корпус заботится о тебе». Он хмыкнул и неторопливо направился в кабинет коменданта.

Перед закатом он по давно выработанной привычке поднялся на стену и двинулся в обход крепости. С того момента как в Герлене появился Грон, Яг утратил свой статус старшего начальника, но по-прежнему любил по вечерам обходить крепостные стены. Шагая по стене, обращенной в сторону степи, перед которой было устроено стрельбище, он слышал внизу голоса. Яг затормозил, облокотился на нижнюю часть бойницы и прислушался.

– ...твой «давящий чан» позади, парень, поэтому не надо каждый раз орать как сумасшедший, когда к тебе обращается старшина. Сейчас твое дело доказать, что ты один из нас, понял?

– Так точно!

Снизу раздался смехок:

– Я же тебе сказал, не ори.

– Так точно.

На этот раз уставной возглас был отчеканен на полтона ниже. Первый собеседник вздохнул:

– Ладно, привыкнешь. Просто запомни: если ты один из нас, то, когда ты попадешь в беду, Корпус придет тебе на помощь со всеми своими пиками, арбалетами, боевыми униформами и всем, что есть у Корпуса, а если нет... В тот момент, когда я пойму это, то не буду на тебя орать, как эти дебилы из учебного полка, а просто воткну тебе клинок между ребрами или под левую лопатку и пну труп в сторону, чтобы не загоразивал дорогу. – Говоривший сделал паузу. – Понял?

На этот раз голос новобранца звучал еле слышно:

– Так точно.

– Вот и слава богам. Эй, Смок, Угрбас, Ик, возьмите парня и проверьте, чему его там научили в учебном полку.

Внизу послышались шаги нескольких человек. Яг усмехнулся. Согласно традициям Корпуса, из этого парня сейчас будут вполне профессионально делать отбивное мясо. Но когда его наконец приведут в чувство довольно грубыми, однако на фоне того, что парню пришлось пережить, почти нежными шлепками по щекам, первое, что он увидит, будут улыбающиеся лица и фляга с бренди. А первое, что он услышит, будет не общепринятое в учебном полку: «Ты дерьмо!», а добродушное: «Молодец, парень! Смок (или Угрбас, или Ик) при первом знакомстве продержался гораздо меньше», что далеко не всегда было правдой. Яг, посмеиваясь, двинулся дальше по стене. Нет, что бы там Грон ни говорил, именно Корпус был величайшим созданием Грона. Это было войско, в ряды которого с жаром стремился любой, чьи мечты были заключены в клинке меча. Вот только Грон растратывал его мощь вхолостую. Это войско было достойно власти над миром.

Следующий день принес много забот. Утром Яг приказал Слуу самому заняться схваченным посвященным, и спустя два часа Слуй доложил, что тот отдал концы. Несмотря на то что они почти не получили от него никакой информации, Яг при этом известии почувствовал облегчение. К полудню с верфей прибыл корабельный мастер Смигарт и, испуганно глотая окончания слов, стал просить отправить на верфи листовую медь. Нужно было обшивать днища новых кораблей, а все запасы на верфи были уже исчерпаны. Яг небрежно кивнул и, вызвав ключника, приказал снять людей из дежурного подразделения с занятий и поставить на загрузку телег, после чего погнал ребят из своей сотни на полосу «ночной кошки». А когда ворота крепости уже готовы были закрыться на ночь, с дороги, ведущей в сторону Западного бастиона и далее, к крепости Горных Барсов, послышался сигнал рога. Курьер влетел в крепость на взмыленном коне, бросил поводья подскочившему коноводу и, подбежав к подошедшему Ягу, звонко доложил:

– Почта командору.

Яг произнес:

– Командор ушел в рейд, я – полковник Яг, – и протянул руку.

Курьер раскрыл сумку, вытащил несколько свитков, отделил один и, сунув его обратно, протянул Ягу остальные. Яг быстро просмотрел, отложил один и кивнул в сторону сумки:

– А это что?

– Прошу прощения, но это приказано передать лично в руки командору.

Яг удивленно воззрился на курьера. До сих пор у Грона не было от него секретов.

– Кем приказано?

– Лично командором. Все послания от господина Сайторна отдавать только лично ему в руки.

Яг недовольно кивнул и бросил быстрый взгляд на Слугу. Тот невозмутимо стоял у его левого плеча. Яг стиснул свитки в кулаке, но тут же расслабился и, повернув голову в сторону дежурного по гарнизону, приказал:

– Ладно, позаботьтесь о парне, ему сегодня пришлось много проехать. – Он двинулся к себе, подавляя желание приказать Слугу подпоить курьера и аккуратно заглянуть в содержание секретного свитка.

Вечером, разбирая почту, он наткнулся на письмо Комара. Вернее, писем было два, одно Грону, а другое самому Ягу. Комар сообщал, что три купца, купившие страховку и отправившиеся с грузом элитийских тканей и стекла в Хемт, были захвачены ситаккцами, которые так обрадовались столь ценному товару, что даже не стали выставлять на торги выкупных на аккумуляском рынке ни купцов, ни капитанов, а просто распороли им животы, чтобы акулы побыстрее учуяли кровь, и сбросили за борт. А может, просто дело было в горгосской блокаде, и ситаккцы посчитали, что выкупа ждать не имеет смысла? Яг стиснул кулак и с силой стукнул по столу. Если бы Грон два года назад двинул Корпус на Горгос, все храмы Магр на противоположном побережье давно бы лежали в руинах, а на рабских рынках черноволосые горгосские рабы давно бы шли по десять медяков за голову. Еще Комар писал, что после получения известия выплатил страховку семьям погибших, и теперь все купцы побережья в недоумении. С одной стороны, они считают эту затею глупостью, а с другой... До сих пор все, кто вкладывал деньги в проекты, одобренные самим Великим Гроном, неизменно оставались в выигрыше. Поэтому очень многие осторожно выясняют, как можно поучаствовать в этом деле. Когда Яг прочитал эту фразу, то досадливо поморщился. Похоже, Грон опять окажется прав и сумеет заработать на абсолютно абсурдной идее.

На следующий день, за час до полудня, Герлен взбудоражил тревожный звон сигнального колокола. Яг взбежал на площадку сторожевой башни и принял глазом к окуляру подзорной трубы. Картина, которую он разглядел, сбивала с толку. К Герлену приближался отряд, состоящий из тринадцати горгосских боевых триер и пяти унирем, очень похожих на те, которые ушли с Гроном. Яг повернулся к сигнальщику и зарычал:

– Гарнизону – тревога! Быть готовыми к отражению атаки с моря. – Потом бросил Слугу: – Гонца на верфи, пусть перекроют вход в гавань и тоже изготовятся. – Затем вновь принял к окуляру. Когда корабли подошли ближе, Яг разглядел на палубах и у рулевых весел триер знакомые фигуры в серых кольчугах и с удивлением почувствовал, что наравне с облегчением сердце кольнуло и сожаление, возможно вызванное тем, что Грон все-таки вернулся.

Корабли вошли в гавань Герлена. Грон пришвартовал триеры у дальнего пирса и, не дожидаясь, пока поставят трапы, которые пришлось срочно наращивать, поскольку борта унирем были гораздо ниже, чем у триер, просто перепрыгнул через борт и сбежал вниз по веслам, поставленным перпендикулярно бортам.

– Ну что, старина, какие новости?

– Какие у нас новости, – хмыкнул Яг, – вот у тебя, я вижу, новости. Уменьшил горгосский флот на тринадцать кораблей. И это в первом походе!..

Грон засмеялся:

– На восемнадцать, старый, на восемнадцать. Тринадцать, как видишь, еще послужат, но уже другим хозяевам. А остальные кончили свой путь на рифах у Зубьев дракона.

Яг криво усмехнулся:

– Порой мне кажется, что не нужно никакого Корпуса и флота. Достаточно только запустить тебя в Горгос, и через полгода нам будет не с кем воевать.

– Что-то ты сегодня больно желчный, старина, – заметил Грон. – Обижаешься, что не пускаю тебя в бой?

Яг махнул рукой:

– Да нет, я уже привык быть мелким крысоловом. – С этими словами он отвернулся и двинулся обратно к воротам крепости, стараясь сохранить на лице беспечное выражение. Великий Грон вернулся с великой победой, и негоже его другу и соратнику выглядеть в этот день плакальщиком на похоронах. Грон посмотрел ему вслед и покачал головой. С Ягом явно что-то происходило. Пожалуй, надо было давно поболтать с ним по душам, но у Грона совершенно не было на это времени.

Спустя два часа Грон вызвал Яга. Тот отворил дверь и, сгорбясь, вошел. Грон указал ему на кресло перед столом:

– Садись, Яг.

Тот грузно опустился в кресло. Грон протянул ему свиток с письмом Комара:

– Читал?

Яг пожал плечами:

– Я читал все, кроме письма того посвященного, который некогда хотел тебя отравить. Оно предназначалось тебе лично в руки.

Грон окинул его пронизательным взглядом:

– Что происходит, Яг?

– Ты о чем?

Грон продолжал молча смотреть на него. Яг некоторое время сидел с независимым видом, потом заерзал и с вызовом глянул ему в глаза:

– Это я должен спросить, что происходит, Грон? Ты стал мягкотелым. Корпус был готов прижать Горгос еще два года назад, готов и сейчас, но мы топчемся на месте. У нас достаточно денег, чтобы нанять сто, пятьсот, тысячу кораблей, но этого не происходит. Вместо этого мы строим какие-то скорлупки. У тебя появились тайные дела с отщепенцем из посвященных, о которых никто не знает? Ты мне больше не доверяешь?

– Яг, в моем мире это называется синдром вины, – сказал Грон. – Тебя что-то гложет, и ты пытаешься переложить свою вину на весь окружающий мир и, в частности, на того, кто подвернулся под горячую руку, то есть на меня.

Яг сидел не поднимая глаз, потом вздохнул:

– Я устал, Грон, устал быть крысоловом. Дорн, Ливани, Сиборн водят в атаку полки, а я... я, который первым из нашего десятка сумел коснуться тебя мечом, известен всему Корпусу не как воин, а как палач.

Грон несколько мгновений задумчиво смотрел на него. Ему не очень понравился ответ Яга, он не объяснял многого в его поведении, но Грон чувствовал, что пока углубляться не стоит. Тем более что в свои основные дела с Сайторном он не хотел посвящать никого, даже Яга. Чем меньше в этом мире останется информации о том, что и как он сделал, тем лучше. Но Ягу нужен был намек. Он был слишком хорошим учеником, и если его не отвлечь, то Яг начнет копать сам и, вне всякого сомнения, чего-нибудь накопает. Грон сделал проникновенное лицо и заговорил:

– Знаешь, ты нужен мне. И нужен именно на том месте, на котором находишься сейчас. Но обещаю, когда Корпус двинется на Горгос, ты будешь со мной. А это произойдет довольно

скоро. – Грон сделал паузу и заговорщицки усмехнулся: – Только одно условие: ты должен поднатаскать своего волчонка. Или, скорее уж, пещерного медведя.

Яг вскинул голову, посмотрел Грону в глаза, расплылся в улыбке:

– Идет, Грон.

Грон добродушно усмехнулся:

– Ну вот и хорошо. – Он снова поднял свиток с письмом Комара. – Я собираюсь наказать того, кто прикончил купцов.

Яг удивился:

– Ты уже знаешь, чьих рук это дело?

– Нет, но собираюсь узнать. И причем скоро. Не позднее чем через четверть.

– Как? Разнюхать это можно только на Аккуме, но горгосцы перекрыли всякое сообщение. Да если бы и нет, до Аккума даже на униреме не меньше двух четвертей.

Грон усмехнулся:

– Маленький секрет. Из тех, что есть у меня с «отщепенцем из посвященных». – Он хмыкнул, видя, что Яг хитро прищурился. – Я тебе расскажу обо всем, но чуть позже. А сейчас прими к сведению, что через четверть я опять буду вынужден тебя покинуть.

Когда Яг вышел из кабинета Грона и прислушался к себе, то понял, что тяжесть, которая давила его после того допроса, исчезла. Он облегченно вздохнул и неторопливо начал подниматься на стену. Пора было начинать привычный обход.

Ассат почесал бороду и бросил взгляд в сторону галеры Суммута. Та ходко шла под трапиевидным парусом, время от времени высывая из волн свой кривой таран, слегка загнутый кверху. Ассат нахмурился. Суммуту в этот сезон везло больше. Он трижды первым замечал небольших торговцев и все три раза успевал первым добраться до них. А коли соратник выбросил за борт торговца абордажную команду, то команде второй «акулы», если первая не запросит помощи, там делать нечего. И вообще, последнее время ситаккские воды стали явно не тем местом, в котором можно что-то заработать, за весь сезон не наберется и десятка взятых на меч. Даже на Аккум, на знаменитый рынок заходили всего два раза. Нечего было выставить на торги. Ни рабов, ни выкупных пленников, ни товара. А теперь, за полторы луны до конца сезона, на богатую добычу уже рассчитывать нечего. Ассат снова покосился в сторону галеры Суммута. Тому-то нечего особо сетовать на судьбу. Два последних взятых им торговца оказались неожиданно богатым призом. Редко кто возил через ситаккские воды элитийские ткани или стекло, заботливо упакованное в мягкую солому и войлок. Обычно товар был таким, который можно легко выбросить за борт, и рвануть вперед, спасая свою жизнь или, как минимум, свободу. Правда, когда абордажные команды Суммута приставили ножи к горлу капитанов и купцов, те принялись размахивать какими-то свитками, заявляя, что они заплатили какую-то мзду, которую обозвали страховкой, и теперь-де их ограбление ситаккцам даром не пройдет. Суммут тогда чуть живот не надорвал, рассказывая, как они надували щеки и грозно трясли бумагой. О боги! Какие дела творятся на свете и кто придумал так хитро обчищать купцов? А главное, почему они заплатили? Ни один чужой, даже боевой корабль, никогда не трогал ситаккцев в их водах. Надо быть полным безумцем, чтобы совершить такое. Ситаккцы открывали охоту за кораблями, которые просто сумели отбиться. И бывало, что, созываемые дымом сигнальных костров, на след становились три или даже четыре двойки. И зачастую обреченный корабль заканчивал свой путь, уже видя стены родного порта, из которого даже могли появиться боевые корабли. Но никто не отваживался вступить в схватку с тремя-четырьмя двойками ситаккцев. Ибо даже если ситаккцев удавалось отбить в этот раз – следующий караван из этого порта вполне мог стать и последним. Единственным шансом в ситаккских водах оставалось попытаться проскользнуть незамеченным. Но в последнее время слишком много

«акул» выходили после зимних штормов из ситаккских бухт, чтобы этот шанс смог стать реальным.

Ассат вздохнул и вскинул ладонь к глазам. Солнце уже село. Но его косые лучи еще вырывались из-за горизонта и пронзали вереницы облаков узкими пучками, чтобы разбежаться по куполу темнеющего неба перламутровыми пологам. Ассат обвел взглядом горизонт, повернулся к носу и... ошалело вытаращился. Прямо по курсу в лоб «акуле» мчался неизвестный корабль. Ассат несколько мгновений оторопело пялился на вынырнувшую неизвестно откуда узкую и длинную унирему неизвестных очертаний, судя по отсутствию тарана совсем не боевую, однако явно идущую на abordаж, и наконец дико заорал. Но было уже поздно. Унирема с грохотом врезалась в борт «акулы», скользящим движением вытянула свой странный изогнутый нос поверх палубы на стыке борта и гребной камеры, а в следующее мгновение над палубой раздался громкий, многоголосый хлопок арбалетных тетив. Пираты, кучей бегущие к борту, покатались по палубе, судорожно стискивая руками арбалетные болты, почти по оперение ушедшие в грудь, живот или шею. И тут же с униремы хлынули воины с обнаженными мечами и кинжалами в руках, затянутые в кольчуги, с гребенчатыми шлемами на головах, с вычеканенным на кокардах изображением горного барса. Ассат заорал:

– Марсовый! Сигнал Суммуту! – и, выхватив меч, бросил взгляд на соседнюю галеру. То, что он увидел в отблесках факелов, заставило его обессиленно опустить руки. Суммут отчаянно защищался от униремы, как родная сестра похожей на ту, что напала на него. Причем у Суммута дело было совсем безнадежным. Бой шел уже на площадке у рулевого весла. Ассат повернулся в сторону схватки, которую вели его люди, и, отчаянно взревев, ринулся вперед. Но не успел он пробежать и десятка шагов, как откуда-то из-за борта возникла фигура в тускло блестевшей кольчуге и, умело поймав его удар на лезвие своего меча, ловко отжала его клинок вниз и засветила в лоб Ассату стальным шаром, венчающим рукоятку кинжала...

Четверть часа спустя все было кончено. Ситаккцы были ошеломлены самим фактом того, что на них напали. До сих пор максимум на что годились мощные триеры горгосцев или быстрые диремы элитийцев – это грозно шествовать по бокам каравана торговцев и время от времени посылать в сторону хищных силуэтов ситаккских галер тяжелые каменные ядра баллист. И вот сегодня произошло невероятное – двойка галер была взята на abordаж. Это произошло всего в течение четверти часа и было проделано количеством воинов, приблизительно равным по численности ситаккцам. Причем сами нападавшие как будто не понесли особых потерь.

Ассат очнулся от того, что на него вылили ведро воды. Капитан дернул головой и вскинулся, чуть не повалившись на палубу, однако его подхватили сильные руки. Он на несколько мгновений повис на этих руках, потом утвердился на ногах и открыл глаза. Обе ситаккские галеры были притянуты борт к борту, а их изрядно поредевшие команды оказались отжаты к противоположным бортам. В шаге от ситаккцев редкой цепью выстроились нападавшие. Их было намного меньше, но их мечи были обнажены, а несколько ситаккцев, прижимавших к груди обрубки рук, являли собой пример того, что будет с остальными при малейшем неповиновении. Ассат оглядел соседнюю галеру и вздрогнул. Суммут был подвешен за руки к верхушке мачты так, что мог касаться палубы только самыми кончиками пальцев ног. Ассат осторожно повел глазами по сторонам и облегченно вздохнул. Его держали за руки его же люди. Он снова принялся осматриваться. Обе униремы были притянуты к противоположным концам связки. Было темно, хотя восток уже начал светлеть. Поэтому вдоль сомкнутых бортов галер, шипя, горели воткнутые в прорубленные мечами в фальшборте щели факелы. Капитан пошевелил плечами, показывая, что уже достаточно твердо стоит на ногах, и, повернув голову, уткнулся в заляпанную кровью морду Иссута, помощника, перевязанную его собственным щегольским поясом. Тот зло зыркнул на капитана. Они всегда были не в ладах. Груда Иссута уже давно была второй по силе среди команды, и он не первый год лелеял мечту стать капитаном. Но, несмотря на свой огромный рост и чудовищную силу, Иссут был слишком вспыльчив,

что внушало большинству остальных устойчивое сомнение в его способности стать капитаном. Однако сейчас они были в одинаковом положении, и потому Ассат проглотил неприязнь и спросил:

– Что они хотят?

Иссут скривился:

– Не знаю. Эти твари ничего не говорят. Сначала нас разоружили и согнали на нос. Потом притянули «акулы» друг к другу. А сейчас вот выстроили вдоль бортов и зажгли факелы.

Ассат кивнул. Потом оглядел строй воинов, стоящих перед толпой пиратов с угрожающе обнаженными мечами, и опять спросил:

– А кто они?

Иссут пожал плечами:

– Не элитийцы. Слишком злы в драке. Да и не горгосцы. Хотя и злы, но умелы, а у тех одна свирепость. Если бы горгосцы совершили подобную глупость и рискнули бы напасть, то, во-первых, они никогда не одолели бы нас таким числом, а, во-вторых, коль одолели бы, то положили бы всех. А эти большинство просто вырубili. Правда, обращаются с нами как с рабами. Сграггу обрубili руку, когда он просто хотел почесать нос. – Он поразмыслил. – Может, эти, с гор. О которых шла молва, будто они отменные рубаки и хорошо надрали зад горгосцам. Хотя я не могу понять, откуда у них корабли.

Капитан кивнул. Ох, не к добру уже который год на Ситакке ходят слухи о душе Хорки, вселившейся в человека. Ибо предание гласит, что, когда такое случится, – Ситакка падет. Впрочем, такие слухи возникали уже не раз, а Ситакка пока жива, и «акулы» каждую весну по-прежнему выходят на охоту. Хотя, с другой стороны, что-то непонятное творится в мире. Вот и этот абордаж...

В это мгновение раздался чистый звонкий звук. По рядам воинов будто пробежала какая-то дрожь. С носа униремы, привязанной к галере Суммута, прыгнули две фигуры в доспехах, ничем не отличавшихся от остальных. Но, судя по тому, как подобрались воины, стало ясно, что это командиры. Они неторопливо подошли к мачте, окинули взглядом висящего Суммута, потом один из них, видимо старший, кивнул другому. Тот повернулся, сделал несколько шагов, перепрыгнул через борт между факелами и, подойдя к Ассату, указал на него рукой. Два воина прянули вперед и, походя двинув по зубам не вовремя вытянувшему шею Иссуту, отчего Ассат почувствовал даже какое-то удовлетворение, рывком выдернули капитана из толпы его людей. За спиной раздалось недовольное ворчание, которое, Впрочем, мгновенно утихло. Стоящие рядом товарищи с культиями вместо кистей рук наглядно доказывали, насколько опасно шутить с этими обманчиво-равнодушными молчаливыми фигурами. Ассата подволокли к борту, грубо перевалили на галеру Суммута и швырнули на палубу, совсем рядом с мачтой, к которой был подвешен Суммут. Ассат чуть не ткнулся носом в его грязные ноги и брезгливо сморщился. И тут все смолкло. Послышались шаги, а чуть погодя Ассат увидел, как перед самым его носом остановились ноги в крепких кожаных калигах на подошвах, подбитых шершавой акульей кожей. Такие калиги не скользили по палубе, даже сплошь залитой водой. Он поднял глаза. Перед ним стоял второй из командиров. Тот, что остался на палубе галеры, когда первый приходил за ним. Окинув его спокойным, но каким-то мертвым взглядом, таким смотрят на труп люди, которые на своем веку повидали уже много трупов, командир повернулся к Суммуту, обвисшему на посиневших и вздувшихся от перетянувших их веревок руках.

– Капитан Суммут?

Тот с трудом приподнял голову и посмотрел на стоящего перед ним помутневшими глазами. Подошедший слегка искривил губы в гримасе, которую каждый мог понимать по собственному желанию. Кто-то, возможно, счел бы ее улыбкой, но для этого нужно было иметь большое воображение и несколько большую уверенность в том, что он увидит восход солнца.

– Мы искали именно вас. Я думаю, вам интересно узнать – почему?

Если Суммуту и было это интересно, то он никак этого не показал. Командир напавших повторил гримасу, потом поднял руку, и из-за его спины выдвинулся воин с какими-то свитками в руках. Командир развернул их и ткнул в нос Суммуту:

– Ты ограбил корабли, которые имели нашу страховку.

У Ассата засосало под ложечкой. Странный фарс оборачивался кошмаром. Командир опустил взгляд на Ассата:

– Ты мог бы его остановить.

Ассат молчал. По извечному ситаккскому закону моря, тот, кто имеет меч, может обвинить склонившего голову хоть в сожительстве с камбалой и будет прав. По-видимому, это знал и командир. Бросив на лежащего взгляд, в котором мелькнула ирония, он поднял глаза на Суммута и негромко произнес:

– Снимите эту пададь.

Воин, стоявший за левым плечом капитана, шагнул вперед и одним движением меча перерубил веревку. Суммут рухнул на палубу. Командир склонился над ним и сунул в лицо свитки:

– Ты ведь посмеялся над этим, Суммут, и отправил купцов на корм акулам. Даже не стал выставлять их на торги на аккумуляском базаре.

Суммут повел глазами на болтавшиеся перед носом свитки, но не сумел сфокусировать взгляд. Командир сделал шаг назад и выпрямился. Потом окинул взглядом стоящих у бортов пиратов, вздохнул и негромко, но так, чтобы его слова услышали все, кто находился на палубах обеих «акул», произнес:

– Каждому да воздастся по делам его. – Затем сделал знак рукой и вернул свитки своему воину. Тот взял бумаги и, шагнув вперед, одним ударом развалил Суммуту живот на две половины. Ситаккец взвизгнул и прижал руки к ужасной ране, чисто рефлекторно пытаясь не дать кишкам вывалиться наружу. Что, впрочем, ему не очень удавалось. Воин смял свитки и резким движением вогнал их в разрубленный живот. Суммут тоненько завизжал и засучил ногами. Воин шагнул назад, воткнул меч в палубу, и, кивнув товарищу, вместе с ним подхватил тело Суммута, и выбросил за борт. Командир дождался всплеска и, чуть склонив голову над бортом, негромко произнес:

– Передай купцам, что мы выполнили нашу часть договора, Суммут.

Несколько мгновений стояла тишина, потом раздался всплеск от плавника всплывшей акулы. Командир сумрачно глянул в сторону команды Суммута:

– Этих следом. Так же.

Над палубой поднялся дикий вой, кое-кто пытался сопротивляться, но это кончилось тем, что вместо нескольких человек в воду полетели безногие и безрукие, но еще живые обрубки. Только Сассат, по прозвищу Хвост Суммута – невысокий, но подвижный, как ртуть, и, по слухам, являвшийся причиной того, что в последнее время Суммут перестал захаживать к портовым шлюхам, – сумел вывернуться и, проскользнув под опускающимся мечом, прыгнул к капитану униремы. Сверкнул спрятанный нож, но тут же замер, остановленный рукой командира, перехватившего кисть Сассата и задержавшего острие на расстоянии ладони от своего горла. Противники застыли, глядя друг другу в глаза, потом командир начал медленно разворачивать руку с ножом к животу нападавшего. Сассат яростно завизжал, перехватил нож второй рукой, пытаясь остановить это неумолимое движение, но это ему не помогло. Ассат замороженно смотрел, как нож приближается к животу, разрезает рубаху, как Сассат, побледнев, пытается отодвинуться, потом изо всех сил втягивает живот, как нож рывком входит в тело и Сассат, за миг до этого снова закричавший, вдруг захлебывается собственным криком, а нож медленно ползет вверх, оставляя за собой сначала черную полосу, которая затем разваливается, выпуская в образовавшийся проем скользкие кишки. Командир на мгновение задержал руку, затем сделал какое-то движение, после которого Сассат обмяк и, прерывисто дыша, обвис

на руке, все еще сжимающей нож. Неуловимым движением одной руки командир вышвырнул тело за борт. Ассат вздрогнул и закрыл глаза, а его губы сами собой прошептали:

– Хорки.

Некоторое время из-за борта слышались отчаянные крики, иногда переходящие в звериный вой, потом все стихло. Командир задумчиво посмотрел на лужи крови, залившие палубу у борта, медленно повернулся к помертвевшему Ассату:

– Сколько груд в твоей команде?

Ассат несколько мгновений с ужасом смотрел в повернувшееся к нему лицо, а потом силно прошептал непослушными губами:

– Четыре.

– Кто еще, кроме тебя, старшие в гругах? И постарайся сказать так, чтобы я понял с первого раза.

Ассат судорожно сглотнул и постарался:

– Иссут, мой помощник, Ссам, кормчий, и Нуттум, боцман.

Командир кивнул воинам, и через некоторое время все трое названных рухнули на палубу рядом с Ассатом. Иссут задрал голову и прошипел в побелевшее лицо капитана:

– Пресная медуза, ты предал нас! – За что тут же получил рукоятью меча по макушке. Командир молча смотрел на них.

– Как бы ты поступил, Иссут, – наконец заговорил он, – если бы знал, чем кончится нападение Суммута?

Тот яростно вскинулся и заорал:

– Поставил бы марсового получше. Чтобы пораньше заметить ваши корыта. – Он завывал и выдал самое грязное ругательство из тех, которые знал, а потом снова завопил: – «Акулы» с Ситакки еще пойдут по вашему следу. Вы еще будете кормить волков моря!

Командир несколько мгновений смотрел, как беснуется Иссут, а потом кивнул воину. Тот спокойно шагнул вперед, схватил Иссута за горло, взмахнул мечом, и вскоре вой Иссута захлебнулся за бортом. Командир обратился к Ссаму:

– А ты?

Кормчий, мелко дрожа, забормотал что-то, но командир наморщил лоб и негромко произнес:

– Я не слышу.

Ссам задрожал так, что застучали зубы, но на мгновение справился с дрожью и взвизгнул:

– Я бы его остановил.

Командир кивнул и повернулся к Нуттуму:

– А ты, боцман?

Тот торопливо закивал головой:

– Я тоже, и я тоже, тоже...

– А что скажет капитан?

У Ассата затеплилась какая-то странная надежда.

– Я никогда... – Его голос осекся, но Ассат справился с волнением и более твердо произнес: – Я никому не позволю нападать на купцов, у которых есть ваша... эта...

– Это называется страховка. – Командир усмехнулся. – Что ж, ситаккцы, вы угадали правильный ответ. И всего со второй попытки. – Он сделал паузу. – А чтобы вы никогда его не забывали, – приказал он негромко, – обрубить им большие пальцы.

Когда взошло солнце, Ассат стоял на все еще залитой кровью палубе своей галеры и тупо смотрел на плавающие вокруг обгоревшие бревна, оставшиеся от галеры Суммута. А у самого горизонта белели косые мазки парусов уходивших унирем. Ассат потер лоб перебинтованной ладонью и стиснул зубы. Пожалуй, это был его последний поход. Море становилось очень неудобным местом, и виной этому был совсем не бог морей Саиттан.

В дверь постучали. Грон отложил лист и потер глаза. С той поры как вернулся из рейда к Ситакке, он, не разгибаясь, трудился над учебником. В Герлен возвращалось все больше кораблей, а новые бороздили прибрежные воды, слаживая команды и проводя учебные абордажи. Правда, пока он запретил опускаться на юг ниже траверза Зубьев дракона. Флот готовился к атаке на горгосцев. Но все, что было необходимо, пока хорошо делалось без него. И он решил наконец заняться выполнением обещания, данного Улмиру еще две с лишним луны назад.

– Да!

Дверь отворилась, и вошел Яг. Грон отложил самописку и посмотрел на Яга. Тот, тяжело ступая, подошел к столу и оперся на него руками. Грон усмехнулся. Яг, что называется, производил впечатление. Он поседел, погрузнел, лицо избородили морщины, но мощные мышцы, оплетающие руки и натягивающие рубаху на плечах, остались прежними, а в глазах горел огонек, очень многим казавшийся недобрым.

– Ну-ну. – Яг бросил насмешливый взгляд на стол, заваленный исписанными листами, взял один, просмотрел. – Что пишешь на этот раз?

– Думаю, это будет называться что-то вроде «О некоторых особенностях современных представлений о физике».

– Ну и как, все получается?

Грон с хрустом потянулся.

– Пока не знаю. – Он вздохнул. – Слишком разный уровень. То, что мне кажется очевидным, для многих других – невероятное откровение. – Грон усмехнулся. – Я ведь никогда не учил физику. У меня были интересы несколько в других областях. Достаточно далеких от начального образования, да и от университетского тоже.

Они помолчали.

– А что такое физика?

– Когда отпечатают, я пришлю тебе экземпляр. Прочитаешь – узнаешь.

Яг неодобрительно покачал головой. Грон рассмеялся.

– Ну конечно, тебе бы хотелось, чтобы я мчался на белом коне впереди Корпуса давить Орден и покорять народы.

Яг искривил губы в улыбке, пытаясь сердиться на фразу об этой непонятной физике. Как ему казалось, он совсем не заслуживает даже такого косвенного напоминания о том, что был сыном портовой торговли и научился читать и писать, только когда Грон заставил его это сделать.

– Я давно уже оставил всякие попытки понять твои действия. Единственное, в чем я убедился к сегодняшнему дню, что, как бы абсурдно ни выглядело то, что ты предлагаешь, в конце концов оно оказывается ошеломляюще эффективным.

Грон удивленно уставился на Яга:

– Признаюсь, одной этой фразой ты дважды поверг меня в изумление. Во-первых, тем, что ты признал, что хотя бы часть того, что я совершил не мечом, заслуживает одобрения, а во-вторых, тем, что ты умудрился выразить это таким образом.

Яг снова изобразил улыбку:

– Растем.

Некоторое время они смотрели друг на друга. Потом Яг отвел взгляд. Грон нахмурился. Трещина, которая образовалась между ним и Ягом, никак не желала зарастать. С этим надо было что-то делать, но время, время... Грон попытался продолжить разговор:

– Значит, сейчас ты считаешь, что и моя идея со страховкой тоже была не совсем абсурдной?

Яг коротко кивнул:

– Комар пишет, что, после того как дошли слухи о твоём рейде и судьбе капитана Суммута, купцы в очередь выстраиваются. Комар уже замучился. Его перехватывают в банях, рвутся в дом, подкупают слуг. Пытаются всучить деньги, лошадей, красивых рабынь и ещё кучу всякой дорогой дряни. Только бы он согласился взять страховку.

Грон кивнул. Об этом Комар не преминул написать и ему.

– Я же тебе говорил, что, для того чтобы получить деньги от купцов, совсем не обязательно принуждать их к этому мечом.

Яг искривил губы:

– Ну, пока мы отдали больше, чем получили.

Грон возразил:

– Скоро будет наоборот. Подожди, если дело так пойдёт и дальше, то скоро откроем страховые конторы у венецов и в Горгосе.

– Столько хлопот... – Яг все ещё кривил губы. – Достаточно было бы издать эдикт и отрядить пару сотен для вразумления особо упрямых.

– Ты прав, – согласился Грон, – но это сработало бы только один раз. Потом у тебя не было бы ни купцов, ни золота. А так они будут отдавать деньги каждый год.

– Потом можно было бы, как ты и планируешь, обратиться к другим купцам, тем же венецким или горгосским. А что касается денег, то как только ты уничтожишь пиратов, кто станет тебе платить?

– Ну, есть ещё бури, молнии, рифы. Разве, если не будет пиратов, каждый купец будет точно уверен, что вернется с товаром? К тому же кто тебе сказал, что я собираюсь уничтожить всех пиратов. Те, кто вовремя поймут, кого можно грабить, а кого нет – пусть живут.

Яг кинул на Грона удивленный взгляд и вновь криво усмехнулся. Они посидели молча, ощущая некоторую неловкость, висящую в воздухе. Яг вздохнул. Грон хмыкнул:

– Не кори себя, паук, я прекрасно знаю, насколько редко ты приходишь с хорошими вестями.

Яг поднял на него тяжелый взгляд. Несколько мгновений рассматривал, потом тихо спросил:

– А почему «паук»?

Грон несколько мгновений раздумывал, в какой форме объяснить свои слова, потом решил с юмором съязвить:

– Ты не знаешь, как тебя называют в Корпусе? – Он деланно-изумленно посмотрел на Яга. Тот помрачнел. – Кстати, и не только в Корпусе. Я думаю, дело в том, что ты, как паук, широко раскидываешь свои невидимые сети и ловишь в них зазевавшихся... мух.

– Я не слышал, – буркнул Яг.

Грон покачал головой и спокойно, но несколько наставительно произнес:

– Вероятно, ты сумел убедить своих подчиненных, что подобные сведения тебе не нужны или их донесение до твоего уха опасно для доносящего.

Яг разлепил губы:

– Ты ткнул меня носом в мое дерьмо как щенка.

Грон хохотнул:

– Не злись. Ты же знаешь, я занимался тем, чем занимаешься ты, намного дольше. И скажу тебе, что у меня были не менее сильные противники, чем Орден. А что касается моих слов, то будь уверен – это просто добрый совет.

Яг кивнул:

– Знаю, но мне от этого не легче.

Оба ещё немного помолчали, потом Грон встал, сгреб исписанные листы, легко постукивая кипой об стол, как он научился, когда работал в типографии ещё в *той* жизни, сделал

аккуратную пачку и положил ее на задвинутую в угол этажерку. Потом сел за чистый стол и откинулся на спинку стула.

– Ну что ж, докладывай.

Яг сурово вздохнул.

– Наш маленький друг объявился в храме Магр.

Грон на мгновение задумался. Оба понимали, что это могло означать только одно. Перемирие, в длительность которого не верила ни одна сторона и которое все-таки продержалось четыре года, окончательно закончилось. Точнее, оно окончилось еще тогда, когда первые горгосские триеры вышли из своих портов, но сейчас дело запахло большой войной. Намного страшней, чем та, что пронеслась над страной четыре года назад. Грон поднял глаза на Яга:

– Что-нибудь еще известно?

Яг пожал плечами. После того как Грон открыл, каким образом ему удалось быстро узнать о виновном в гибели купцов, Яг, несмотря на то что уже всю жизнь пользовался его гениальной задумкой, все еще чувствовал восхищение. Грон придумал, как использовать заблокированные Орденом Места власти. Они не могли установить связь со своей стороны, но каждый, кому Грон вручил магические предметы и научил, как надо с ними обращаться, в определенные дни приходил в расположенные поблизости Места власти и сам вызывал Атлантор. Информация шла потоком.

– За это время в храме побывали несколько капитанов, около десятка посвященных высшего ранга в одеждах кочевников, а также купцы, паломники и еще полторы тысячи посетителей. В самом храме у нас нет источников, так что вполне возможно, что кто-то проник туда в обличье паломника или дровоноса, – Яг испытующе поглядел на Грона, – хотя я сильно сомневаюсь. Тогда бы и остальные гости хоть как-то маскировались... – Он помолчал и веско закончил: – По информации, поступающей из разных мест, Орден чувствует себя в Горогосе как никогда свободно. По-моему, они решили даже пренебречь своим древним правилом – абсолютным соблюдением тайны ради повышения оперативности и эффективности действий.

– Да, в борьбе с Измененным Орденом отринул много своих традиций, – отозвался Грон. – Правда, для нас это не так уж и хорошо, потому что они связывали его по рукам и ногам. Взять одно только одобрение использования механических молотов и мехов, приводимых в движение водяным колесом. Так что даже если Орден... уцелеет, он уже никогда больше не будет таким, как раньше.

Яг машинально отметил, что Грон говорил о себе в третьем лице.

– Ты сильно изменил весь этот мир, Грон, – сказал он. – О тебе будут помнить еще много поколений.

По лицу Грона пробежала тень. Какое-то время он молча сидел, уставя взгляд на стену.

– Как люди? – наконец заговорил он.

– Те, что в долине, в суточной готовности, – ответил Яг, – а остальные работают. Пока все целы. Во всяком случае, были целы, когда отправляли последнее донесение, – поправился он, – кстати, сведения о Храме пришли от одного из тех, кто ушел год назад.

Три года назад Грон приказал Ягу отобрать сотню надежных людей из бойцов Корпуса, которые заканчивали службу, и объяснил, по каким критериям и как производить отбор. Яг наметил пять сотен кандидатов, полгода запугивал их, соблазнял деньгами и посулами и наконец, отобрав полторы сотни, привез на беседу к Грону. Тот сначала поговорил с каждым, а потом собрал всех на небольшой лужайке у водопада, милях в семи от крепости Горных Барсов. Место было выбрано с умом. Площадка, на которой расположились приехавшие небольшими группами бойцы, переодетые в одежду крестьян, табунщиков, погонщиков волов и горных охотников, была окружена редким кустарником, который не давал возможности соглядатаю спрятаться поблизости и очень затруднял наблюдение издали. А водопад заглушал слова. Так что в десяти шагах за пределами площадки уже ничего невозможно было разобрать. И

подходов к площадке было несколько. Так что если кто и засек, что сюда съезжаются какие-то люди, то для того, чтобы выследить всех, нужно было задействовать слишком много людей. А Яг, по совету Грона, собирался сразу после окончания собрания выпустить своих новичков из команды поиска с задачей засечь возможное наблюдение. При этом не открывая им ничего о самом собрании и о тех, кто мог вести за ним наблюдение. Так что в этом мире, до сего момента вряд ли представлявшем о методах многослойного прикрытия, такой комплекс мероприятий давал почти стопроцентную гарантию сохранения тайны.

Когда Грон, в кожаных штанах, вывернутой мехом наружу безрукавке и в грязном шерстяном «бедуинском» платке, закрывавшем лицо, появился на поляне в сопровождении Яга, одетого подобным же образом, то в первый момент на их появление никто не отреагировал. Вновь прибывших окинули спокойными и равнодушными взглядами и отвернулись: вопросов они не задавали, значит, знали, что к чему, а что касается закрытых лиц, то так поступили почти все из присутствующих. Но стоило Грону открыть лицо, как все повскакивали на ноги. Яг отчаянным взмахом руки удержал восторженный вопль, уже готовый вырваться из полутора сотен плоток.

– Чума на ваши головы! – Яг досадливо сморщился. – Если бы Грон хотел быть замеченным там, куда долетит ваш вопль, он оделся бы иначе.

Бойцы смущенно переглянулись. Грон усмехнулся и негромко предложил:

– Садитесь. – Он оглядел молниеносно упавших на сухие зады бойцов, оценил выучку и привычку к повиновению, потом улыбнулся и начал: – Я собрал вас для того, чтобы объяснить вам, что мне от вас надо. Каждый из вас уже встречался со мной и знает, что мне требуется ни много ни мало, как ваша жизнь. Все вы готовы отдать ее мне, но, полагаю, никто пока не представляет, насколько большим вам придется пожертвовать... – Он обвел взглядом устремленные к нему лица. – Я здесь для того, чтобы это объяснить.

На несколько мгновений на поляне повисла тишина, потом среди присутствующих пролетел возбужденный шепот. Бойцы не понимали Грона. Каждый знал, что готов умереть за него, и надеялся, что и Грон верит в это. Грон мысленно улыбнулся. Они были правы, он верил в них, но ему меньше всего нужна была их смерть. Он собирался забрать у них именно то, о чем говорил, – жизнь, и по возможности долгую. А это было не одно и то же. Однако надо было убедиться, что здесь находятся только те, кто имел на это право. Грон кивнул Ягу, и тот, сделав шаг вперед, негромко приказал:

– Обнажить левый локоть.

И он прошел по рядам, протирая каждому левый локоть тряпкой, смоченной в растворе, приготовленном лично Гроном. После легкого мазка на локте проступало изображение барса. Когда все были проверены, Яг вернулся к Грону, коротко кивнул и уселся рядом.

– Я ни мгновения не сомневаюсь в том, что любой из вас готов умереть по зову и во славу Корпуса, если бы это было не так, ни один из вас не сидел бы здесь передо мной. Но мне нужна ваша жизнь. Долгая и тяжелая. Прожитая именно так, как нужно мне и Корпусу, а не так, как хотелось бы вам. Вы должны быть готовыми жить там, где нужно мне, быть тем, кем нужно мне, даже рабом или пиратом, пробираться в постель к тем женщинам, которые понадобятся мне, и вызывать отвращение у тех, у кого это будет необходимо мне. Даже если вы всей душой презираете первых и любите вторых. Вы должны научиться плавать в нечистотах и лизать пятки подлецам, если мне это будет необходимо. Вы можете умереть, и ваш труп сгниет в какой-нибудь выгребной яме, безвестный, никем не оплаканный. Вы должны быть готовы предстать перед теми, кто вам дорог, в личине изменника и предателя и заставить их всем сердцем презирать вас, если я этого захочу. И только я один буду знать правду о вас. Это будет секрет между двумя людьми. Мной и... каждым из вас. – Он обвел взглядом ошеломленные и враз посуровевшие лица и, выделяя голосом каждое слово, закончил медленно: – И эта жизнь будет длиться до самой вашей смерти.

Над поляной повисла напряженная тишина. Многие из тех, кто пришел сюда, думали, что Грон собирается набрать какую-то новую личную стражу, хотя то, как был обставлен отбор, и навевало мысли, что им не светит красоваться рядом с Гроном в великолепных доспехах во время парадов и учений или мчаться в атаке, гордо неся личный штандарт командора рядом с его конем, но такое...

– У вас есть одни сутки, чтобы принять решение, но те, кто согласится, пусть знают – обратного пути не будет.

На следующий день Грон появился почти в полдень. Количество людей у костров, которые были разведены прошлым вечером, уменьшилось не намного. Яг, еще утром доложивший, что за ночь ушли только чуть больше двух десятков, как и вчера, маячил за спиной. Заметив Грона, все поднялись на ноги, но на этот раз никто не сделал попытки приветствовать его криком, а когда Грон взглянул в их глаза, то увидел, что в них поселилась горечь. Все, что Грон обещал им вчера, было совсем не то, что они готовы были отдать Корпусу, но раз он потребовал от них такого... Они поняли, что готовы отдать Корпусу и это. У Грона запершило в горле. Он вдруг почувствовал, что никакие слова больше не нужны. То, что эти люди остались здесь, говорило само за себя. Поэтому он лишь глухо произнес:

– Что ж, начнем работать.

И вот теперь часть тех людей уже была далеко отсюда, обживала нищенские подстилочки на базарах Горгоса, мелкие лавочки на Аккуме, в рабских ошейниках отворяла двери роскошных венецианских дворцов и надрывалась, ворочая тяжелые весла в гребных камерах ситакских галер. А другие, которых было почти пять десятков, уже три года жили в тайной горной долине, не только осваивая все то, чему Грон пытался их научить в искусстве конспирации, тайнописи, тихого умерщвления человека и скрытного проникновения в пределы усиленно охраняемых объектов, но и вживаясь в образы бродячих акробатов, торговцев, пилигримов... Трудно было рассчитывать, что Грон будет точно знать, откуда Орден нанесет удар. И, вероятнее всего, они больше не рискнут полагаться только на силу мечей. Поэтому Грон планировал при первых признаках того, что Орден зашевелился, разослать по близлежащим странам свои боевые группы. Чтобы иметь возможность при особой необходимости нанести удар далеко от полей, на которых лилась бы кровь бойцов и трескали древки ломающихся копий. Причем Горгосу он уделил основное внимание. Туда должны были отправиться аж три группы. И вот теперь наступил этот час.

– Отправляй.

– Маршруты?

Грон мгновение всматривался в глаза Яга, но тот спокойно выдержал его взгляд.

– Они знают.

Яг также спокойно кивнул, встал и покинул кабинет. На душе была пустота. Все-таки тот посвященный был не во всем не прав, и Яг сразу почувствовал это. Не зря же его слова так запали в душу. И ведь он до сих пор не доложил Грону о том разговоре...

А вечером, когда в караул уже заступила ночная смена, к воротам Герлена прискакало трое всадников. Двое были «ночными кошками» из крепости Горных Барсов, а третий... Третьим был Сайторн.

К назначенному месту они подъехали уже после полудня. Грон еще утром начал нервничать, нетерпеливо ерзать в седле и время от времени привставать на стременах, пытаясь разглядеть что-то среди этих унылых однообразных холмов. Но каменную бабу первым заметил Сайторн. Хотя никакой его заслуги в этом не было. Просто она показалась именно с его стороны, причем там, куда он смотрел в этот момент. Сайторн остановился и указал рукой на грубо обтесанный каменный столб, в котором только при очень сильном воображении можно было увидеть стоящую скособоленную женщину с огромным беременным животом. Грон гало-

пом рванул вперед, далеко опередив приставленных к нему двух бойцов. Объехав бабу, перед которой уже стоял на коленях спешившийся проводник, Грон дал шенкеля Хитрому Упрямцу и вылетел на ближайший гребень. Через несколько мгновений рядом с ним остановился Сайторн. Степь впереди резко изменилась. Будто кто-то провел по гребням холмов невидимую границу. Лежащие перед ними холмы выглядели больными. Чахлая растительность постепенно исчезала, и дальше начинались голые камни и песчаник, выветрившиеся до каких-то причудливых форм. Грон некоторое время рассматривал эту картину, потом жестом подозвал одного из бойцов:

– Капитана ко мне.

Тот появился почти мгновенно, будто ждал, прячась за крупом Хитрого Упряма. А может, так оно и было на самом деле.

– Лагерь разобьем здесь. Судя по ландшафту, тут еще безопасно. Да и проводник говорит, что, когда степняки приходят к Злой матери на большой хурал, стойбища ставят с этой стороны холмов. И пока это еще никому не повредило. – Грон еще раз окинул горизонт взглядом из-под ладони и сказал: – Оседлай мне другую лошадь, я собираюсь немедленно отправиться туда, – он бросил вопросительный взгляд на Сайторна, и тот утвердительно кивнул, – только вдвоем с Сайторном и проводником. Так что приготовьте нам три комбинезона и маски. Вопросы?

Вопросы у капитана, понятно, были, но Грон отдал распоряжения таким тоном, что капитан понял, лучше их оставить без ответов.

Спустя полтора часа они уже пробирались по дну небольшой лощины или, скорее, ущелья. Грон рыскал по сторонам как хорошая охотничья собака, выискивающая след, потом вдруг остановился, упал на колени и с возбужденным видом осторожно потер тонкочешуйчатый, похожий на слюду кристалл с матовым зеленоватым отливом. Несколько мгновений он разглядывал его, потом повернулся к стоящему рядом степняку:

– Значит, говоришь, гиблое место, скотинадохнет, язвы у людей открываются?

Тот торопливо закивал головой и залопотал что-то по-своему. Но Грон не стал вслушиваться. Он поправил тонкие кожаные перчатки и примитивный тканевый респиратор и полез вверх по осыпи. Взобравшись на косогор, он внимательно осмотрел лощину, небольшие холмы вокруг и широким шагом направился в сторону проема узкой пещерки, видневшейся неподалеку. Протиснувшись внутрь, он вытащил из связки, притороченной за спиной, факел, запалил его и пополз вперед на четвереньках, внимательно осматривая стенки. Наконец ему повезло. В неверном свете факела он увидел на стене, на срезе песчаника, небольшой мазок вещества, очень похожего на смолу. Грон достал бронзовую лопатку, осторожно счистил мазок в закручивающийся свинцовый пенал и попытался развернуться. Это оказалось делом невозможным. Грон чертыхнулся и стал осторожно пятиться назад.

Сайторн уже ждал у входа в пещерку. Грон чуть отдышался, жестом подозвал коновода, и они молча двинулись в обратный путь.

До лагеря они добрались через полчаса. Бойцы уже развели костры. Два больших, а ниже по склону, чуть в стороне, один поменьше. Все уже привыкли, что командор и этот чужак каждый вечер о чем-то долго беседовали друг с другом наедине. Зачастую приходилось неоднократно разогревать ужин прежде чем они подходили к общим кострам, или командор разрешал принести ужин к своему. Кони слегка запарились, и лагерный коновод, поймав поводья, принялся гонять их по кругу, ожидая, пока они чуть остынут, чтобы, следуя строгому наказу Грона, как следует их выкупать. Сайторн вымылся сам, дождался, пока Грон также тщательно отскоблит кожу и несколько раз вымоет голову, уши и прополощет рот, потом подал ему полотенце. И когда тот, хорошенько вытеревшись, швырнул полотенце к снятому ранее сплошному кожаному комбинезону, прошитому двойным швом, кожаным перчаткам и кожаному же шлему с шейным клапаном, Сайторн негромко спросил:

– Ну что, это то, что тебе нужно?

Грон скорчил гримасу неуверенности:

– Кто его знает? Здесь нужен профессиональный геолог. А я всегда работал с чистыми материалами. Но судя по тому, как описывают это место... Очень может быть.

– И как узнать точно?

Грон достал свинцовый пенал.

– Я взял образец. Впрочем, это вполне может быть пометом летучих мышей. – Грон вздохнул. – Ладно, во всяком случае, если судить по слухам, которые ходят об этом месте, из пяти остальных, нам известных, это – самое перспективное. – Он повертел цилиндр у носа и пожал плечами. – Все равно больше найти не успел бы. Завтра выеду пораньше и полазю по осыпям и щелям, может, накопаю еще. Тогда и проведем анализ.

Солнце уже зашло, и закат пылал на небе как небесный пожар. Грон припомнил рукотворное зарево, которое ему довелось несколько раз увидеть в прежней жизни, и невольно содрогнулся от того, что планировал сделать. Но иного выхода не было. Ему надо было срочно заполучить «большую дубинку». Такую, занять достойный ответ на которую в этом мире никто не мог рассчитывать. По зрелом размышлении, ограничение на развитие технологии было вызвано именно попыткой перекрыть людям доступ к мощному оружию. До сих пор они незыблемо стояли на этом, и Грон мог бы найти немало оправданий подобному подходу, опираясь на историю своего собственного мира. Но того, что готовил Орден, этот мир, несмотря на всю его грязь и кровь, по мнению Грона, совсем не заслуживал. И для того чтобы предотвратить неизбежное, он должен был заставить своих противников играть по своим собственным правилам. Просто внедряя новые технологии в областях, находящихся под его властью, и создавая систему распространения знаний, он не мог быть уверенным в выигрыше, даже будь у него время. А времени у него не было. К тому же он не был уверен, что даже если он успеет сделать все, что собирался, то сумеет остановить неизбежное. А потому ему нужно было сломать, изменить сам Орден, заставить своих врагов включиться в гонку технологий, чтобы даже в случае неудачи у людей следующей Эпохи появился бы шанс. Иначе – замкнутый круг.

– Так сколько, ты говоришь, осталось времени? – спросил Грон.

Сайторн усмехнулся:

– Ты спрашиваешь меня об этом каждый час уже третий год.

– Просто это помогает мне лучше думать. – Грон стиснул зубы.

– Понимаю, – сказал Сайторн. – Это очень сложно, сражаться одному против целого мира.

Грон мотнул головой.

– Не так. – Он посмотрел Сайторну в глаза. – Понимаешь, я, конечно, тоже не сахар, могу устроить кровопускание, войну, положить несколько десятков или сотен тысяч довольно приличных людей просто потому, что они на другой стороне, но... – он задумался, – я прекрасно представляю себе, что я не бог, а этот мир, если к нему руки приложить, совсем не плох, и я не собираюсь с ним сражаться. Это... просто ребенок. Он может вредить, буянить, пакостить по-мелкому или по-крупному, но он не враг. Его можно отшлепать, наказать как-то, но мне никогда не приходило в голову смахнуть его, как надоевший песочный домик, что, если верить вашей Книге Мира, не раз проделывал тот, кого ты называешь Творцом. С помощью преданной ему банды кровавых фанатиков. – Он помолчал. – Хотя в их ненависти к новым знаниям есть и некоторое рациональное зерно. Я сам придерживаю кое-какие военные технологии, если считаю, что пока могу без них обойтись, например, порох или динамит.

Сайторн склонил голову к плечу, вслушиваясь в незнакомые названия, как бы пробуя их на вкус, и спросил:

– А это... – он кивнул в ночную темень, где притаились странные холмы, к которым они ездили сегодня днем, – это страшнее пороха? По-моему, ты сам боишься того, что собираешься сотворить.

Грон вздохнул:

– Ты прав. – Он яростно потер лицо ладонью. – Это много страшнее пороха, но дело в том, что никто, кроме меня, не сможет этого повторить еще очень много лет, а вот порох... – он усмехнулся, – это намного проще.

Некоторое время они молчали, глядя на пламя костра. Послышались шаги, из темноты вынырнул сержант и вытянулся перед Гроном:

– Мой командор, ужин готов.

Грон кивнул:

– Спасибо, сейчас идем.

Сержант переминался с ноги на ногу, наконец неловко поежился и, кашлянув, спросил:

– Может, принести?

Грон улыбнулся:

– Не стоит. Не думаю, что сегодня мы просидим слишком долго. Я устал, а завтра предстоит тяжелый день, так что скажи ребятам, пусть уже наваливают в котелок.

Сержант козырнул, недовольно покосился на Сайторна и потопал обратно. Сайторн проводил его взглядом.

– Твои люди любят тебя, Грон, а я так и остался для них чужим.

– Мы из Корпуса, Сайторн, а ты нет, – заметил Грон. – Ты же сам не захотел, чтобы было по-другому.

Сайторн пожал плечами:

– Ты ведь не только учишь их сражаться, но и пытаешься перекроить их мозги, а я решил больше никому не позволять делать это со мной.

– Но поскольку ты знаешь об этом, с тобой подобный номер невозможен, – ехидно заметил Грон.

Сайторн улыбнулся:

– Я лучше остерегусь, а то я уже привык, что все, что ты делаешь, – ты делаешь хорошо. Они захохотали.

Над степью пронесся крик степной совы. Грон утер выступившие от смеха слезы и махнул рукой:

– Ладно, поболтали, и будет. – Он поднялся на ноги. – Пошли, ужин остывает, – и зашагал к кострам.

Сайторн постоял еще немного, наблюдая, как гаснет пламя маленького костерка. Потом посмотрел на звездное небо. Прошло уже почти семь лет с того дня, как он подошел к воротам крепости Горных Барсов и, показав кинжал, попросил часового проводить его к командору. Именно этот день был последним, когда он мог считать себя членом Ордена. Вернее, по орденским законам, он заслуживал смерти уже после самовольной попытки отравить Грона крошеным промбоем, ядом, от которого не было спасения. Никто, соприкоснувшийся с Измененным, не имеет права на жизнь. Но до того дня он по-прежнему считал себя сыном Ордена, исполняющего волю Творца и несущего людям этого мира свет истины. До того дня... Звезды холодно и равнодушно сияли на огромном куполе степного неба. Ему вдруг припомнилось, как точно такой же ночью он сидел у рыбацкого костра на побережье и слушал песню о том, как смелый воин Грон-Казимир прыгнул навстречу ситакским «акулам», чтобы спасти людей, которых он видел всего один день, но успел полюбить. А вокруг сидели, блестя глазенками, десяток ребятшек. Половину из них звали Гронами, а другую Казимирами. В той песне еще говорилось, что воин вернется, когда небо упадет на землю и боги разгневаются на людей и захотят их уничтожить. Сайторн зашагал вслед за Гроном. Не каждому доводится присутствовать при том, как легенды становятся явью. Впрочем, чего еще ждать от Измененного?

Следующий день начался рано. Грон проснулся на заре, тихонько вышел из палатки, умылся ключевой водой, натянул последний из оставшихся комбинезонов и снова отправился

в ложину, перед отъездом приказав офицеру никого не выпускать за пределы лагеря. Сайторн проснулся, когда Грон уже уехал, и, соответственно, оказался заперт в лагере до приезда командора. Он посматривал по окрестностям, поднялся ко вчерашнему кострищу, постоял, глядя, как бойцы старательно закапывают пепел от их комбинезонов, сожженных вчера вечером, ссыпанный в герметичный медный бак, и вернулся в палатку. Там он тщательно задернул полог, достал из тубуса тонкие листки и проверил ручку. Он по-прежнему не мог перебороть в себе заложенное с раннего детства отвращение к большинству усовершенствований, введенных Измененным, но некоторые, подобные ручке-самописке... Сайторн вздохнул и склонился над писчей доской.

«...Сие путешествие угнетало Великого Грона. Он всей душой противился тому, что собирался совершить, но не мог найти другого выхода. Как мне кажется, он пришел в это гиблое место, чтобы каким-то одному ему известным образом овладеть самой смертью. А может ли быть что-то более неестественное для того, кто собирался положить все свои силы, чтобы сохранить жизнь большей части живых существ, ныне населяющих наш мир...»

Сайторн увлекся и писал долго, вдумчиво, а потому чуть не пропустил момент, когда вернулся Грон. Он едва успел спрятать листки и повалиться на расстеленный плащ, как полог палатки отлетел в сторону и на пороге появился возбужденный Грон.

– Валяешься?! Когда вокруг вершатся такие дела!

Сайторн сел с видом оскорбленной невинности.

– Вы же не оставили мне ничего иного, Ваша непреклонность. Судя по взглядам ваших бойцов, если бы я удалился от границ лагеря больше чем на полшага, мне бы с удовольствием прострелили пузо.

Грон захохотал и, быстро пройдя в угол палатки, выволок какой-то сверток, туго увязанный в войлок. Сайторн с интересом подобрался поближе. Грон разрезал веревки и осторожно развернул какой-то бронзовый цилиндр со стеклянным окошечком на боку, глиняный сосуд с плотной пробкой и двумя медными штырями, торчащими из нее, и какой-то диск, а также кучу шнуров с медной проволокой в середине. Быстро соединив все это в причудливую конструкцию, он достал свинцовый цилиндр, поднес его к стеклянному окошку и начал отвинчивать крышку. Как только между крышкой и корпусом появилась щель, диск, лежащий на столе, гулко защелкнулся, а спустя мгновение щелчки превратились в вой, диск затрясся, заскользил по столу и рухнул на пол. Грон торопливо завинтил крышку, осторожно положил пенал в сторону и перевел дух. Его лицо было бледно. В этот момент полог палатки поднялся и на пороге возник сержант с обнаженным мечом, за его спиной виднелся еще десяток бойцов. Грон как-то ошеломленно взмахнул рукой:

– Все в порядке, сержант. Вызовите ко мне капитана.

Сержант настороженно осмотрел пространство палатки, бросил на Сайторна угрожающий взгляд и, молча козырнув, вышел. Грон несколько мгновений сидел на полу, тупо уставясь на цилиндр, потом пробормотал:

– Руды, похоже, супербогаты, значит, содержание где-то около ноль пяти процентов, при стандартном соотношении изотопов это значит умножить еще на ноль ноль семь, получается... Для первого этапа нужно два – четыре года и несколько десятков тысяч человек, которые быстро превратятся в трупы...

В этот момент полог опять откинулся. На пороге стоял капитан.

– Мой командор, капитан...

Грон жестом прервал доклад и указал на валявшуюся в углу медвежью шкуру:

– Садитесь и слушайте внимательно. Пишете хорошо?

Капитан кивнул и достал из планшетки тонкие листки вошеной бумаги и самописку. В Корпусе все умели писать, а офицеры тем более, но степень этого умения иногда варьировалась очень сильно. Сайторн в очередной раз с удивлением подумал, почему Грон не захватил эскорт

«ночных кошек», а привел с собой обыкновенную линейную сотню из Восточного бастиона, но кто разберется в мыслях Измененного? Оставалось надеяться, что это, как всегда, имеет свой смысл и, что случалось менее часто, не приведет к неприятным последствиям. Идти в глубь недавно еще абсолютно враждебной степи без серьезной охраны, это, знаете ли...

– Организовать разведку по эту сторону лощины. За линию, пересекающую центр лощины, не переходить, задача – найти источники воды и топлива, а также многокамерную естественную пещеру с перемычками между камерами не менее человеческого роста. Проводник говорит, что здесь такие есть, хотя показать ни одной не может. Из всех найденных источников взять образцы воды и привезти мне. Далее, подготовить двух гонцов до Восточного бастиона, с двумя сменными лошадьми каждый, выезжают завтра утром. Провести картографические работы на сорок миль в округе. Все передвижения за пределами лагеря осуществлять только в маске-респираторе. Все. Вопросы?

Капитан подскочил, не успев доцарапать пером:

– Никак нет.

Грон кивнул:

– Выполняйте.

Когда полог за капитаном упал, Грон несколько мгновений молчал, после чего повернул к Сайторну напряженное лицо со стиснутыми губами и в который уже раз спросил:

– Так сколько, ты говоришь, осталось времени?

Сайторн почувствовал, что от тона, которым был задан этот вопрос, у него волосы встают дыбом. Но что-то в этом тоне заставило его разомкнуть губы и в тысячный раз произнести то, что выучил наизусть еще юношей, когда проходил послушничество под руководством самого Хранителя Творца:

– По велению Творца, годом Очищения является тысяча семьдесят седьмой. В этот год небеса обрушатся на землю, воды выйдут из берегов и подземные боги вырвутся наружу. Очищение будет длиться семь лет. Выживет один из десяти. Но все посвященные будут заранее укрыты в тайных местах, чтобы после окончания Очищения выйти к людям и нести им волю Творца. – Он сделал паузу и тихо закончил: – По календарю заггров год Очищения наступает через одиннадцать лет.

Грон несколько мгновений смотрел куда-то невидящими глазами, потом осклабился и произнес:

– Успею.

Грон спустился к пирсу и двинулся к своему кораблю. Это не была уже ставшая привычной узкая и хищная унирема, предназначенная не столько для правильного морского боя, сколько для того, чтобы сразу после заката вынырнуть откуда-то из черноты между небом и морем и выплеснуть на палубу вражеского корабля волну беспощадных стальных клинков. Этот красавец был предназначен для другой стихии. Той, в которой трещат борта под ударами вражеских таранов и звонко хлопают тетивы баллист и катапульт. А прежде чем сойтись друг с другом в жаркой абордажной схватке, оба могучих противника могут таранными ударами отправить на корм акулам по несколько вражеских кораблей. Он должен был стать сильным бойцом, который бы мог даже в тесной свалке морского боя противостоять не менее чем двум горгосским триерам. Могучая дирема, почти в полтора раза превышавшая в длину униремы и тем самым равнявшаяся триере, носила гордое имя «Росомаха» и, казалось, впрямь своим видом неуловимо напоминала этого сильного и хитрого зверя. Сто девять унирем уже вышли из гавани и, разбившись на пятерки, будто большие серые рыбыны покачивались на волнах, покрывая ближнюю воду неровным пятнистым ковром, медленно шевеля при этом веслами, будто огромными плавниками, и пританцовывая на крутой волне. Семь дирем – которые хоть и назывались так же, как и боевые корабли элитийцев, но отличались от них, как мангуст отли-

чается от суслика, – все еще покачивались у пирсов. Несмотря на то что он сказал мастеру Смигарту, Грон долго раздумывал – брать ли в поход эти корабли. Ибо до сих пор он руководствовался правилом, по которому для создания полноценной, слаженной команды необходимо, чтобы экипаж походил вместе не менее четырех – шести лун. Но экипажи дирем были по большей части укомплектованы опытными бойцами, ветеранами флота Корпуса, к тому же прошедшими хорошую морскую выучку на униремах. А некоторые уже успели побывать в бою во время разведывательного рейда вместе с Гроном. Да он и не представлял, как без них можно обойтись. Если им придется ввязаться в крупное морское сражение с более чем сотней кораблей, а скорее всего это неизбежно, диремы будут необходимы. Униремы – королевы в другой тактике. Увидев корабль, завалить мачту и идти вне пределов видимости, дожидаясь темноты, потом вынырнуть у борта из ночной темени и обрушиться на ошарашенного врага, не оставляя ему ни малейшего шанса. В обычном морском сражении они, конечно, тоже не плохи, но... пока есть возможность использовать их главное преимущество – маневренность. Когда же корабли, как это зачастую происходит уже к середине боя, сгрудятся на небольшом пятачке, то униремы, не имеющие тарана и со слабым метательно-артиллерийским вооружением да к тому же с гораздо более низкими бортами, окажутся в невыгодном положении. Поэтому Грону нужен был мощный ударный кулак, способный разорвать вражеский флот, разрезать строй, дать униремам пространство для боя.

С соседних пирсов послышался грохот убираемых трапов. Грон обернулся в сторону крепости и увидел Яга, сиротливо стоявшего у стены. Хотя почему сиротливо? За левым плечом, как обычно, возвышалась мощная фигура Служа. Грон вздохнул. За прошедшее время он трижды пытался поговорить с Ягом, снять все время возникающую между ними завесу недоверия, но выходило только хуже. Особенно желчным Яг стал после того, как Грон вернулся из поездки с Сайторном... Грон махнул Ягу рукой и легко взбежал по трапу на палубу диремы, кивком дав понять капитану, что можно двигаться. Когда швартовы были отданы и, повинаясь согласованному движению более сотни весел, дирема отошла от пирса и начала разворачивать нос с мощным бронзовым тараном в сторону выхода из гавани, Грон подошел к мачте и, опершись на нее спиной, уставил взгляд в пространство.

Четверть луны назад они с Сайторном, покрытые с ног до головы дорожной пылью, въехали в ворота крепости Горных Барсов. Позади было четыре дня сумасшедшей скачки. Грон катастрофически опаздывал. Но ему пришлось задержаться в крепости Горных Барсов почти на два дня, чтобы привести в движение гигантскую машину собственноручно созданной им административной системы Корпуса. Вечером того же дня из ворот крепости выехали гонцы и помчались в разные стороны, неистово погоняя коней. Все распоряжения Грон не стал передавать по гелиографу. Приказ, доставленный гонцом да к тому же собственноручно написанный Гроном, должен был произвести гораздо более быстрое воздействие на управляющих кузнечных цехов и начальников продовольственных складов, на командиров гарнизонов и конезаводчиков Корпуса, а также на главного казначея и ректора Университета. Хотя все они явно придут в недоумение от того, что командору вдруг пришло в голову бросить производство оружия и расходовать дорогое железо на изготовление тысяч кайл, каменобитных молотов и лопат, и от того, что ему зачем-то понадобилось столько продовольствия на самом краю степи. И насколько разумно вбухивать такие средства на строительство где-то в сердце степи чего-то, судя по расходам, столь грандиозного? А главное, никто не поймет, почему Грон изменил своему, ставшему уже привычным, правилу и поставил во главе этого дорогостоящего проекта человека, не имеющего отношения к Корпусу. Ибо во всех приказах говорилось, что до своего возвращения все полномочия, касающиеся контроля и уточнения отданных распоряжений, переходят к человеку по имени Сайторн. Однако приказы были получены, сомнения отодвинуты в сторону – и работа началась.

– Мой командор, разрешите поднять штандарт похода?

Капитан Гамгор, вытянувшись, стоял перед ним. Грон огляделся. Дирема вышла из гавани и шла вдоль строя унирем, ведя за собой пристроившихся к ней в кильватер семь остальных дирем.

– Да, флагман-капитан, поднимайте штандарт и сигналы эскадре.

Гамгор повернулся в сторону сигнальщика и энергично взмахнул рукой. Спустя мгновение на фале, закрепленном на верхушке мачты, ярко вспыхнула вереница сигнальных флагов. Раздался гулкий удар. Это тысячи весел разом вспенили воду. Поход начался.

В отличие от прошлого раза корабли шли не скрываясь. Сейчас флот двигался, широко раскинув впереди и по бокам основной линии щупальца из пятерок унирем. Первые гости стали попадаться, как только они прошли траверз Зубьев дракона. Повинуясь приказу Грона, униремы высаживали абордажные команды на борта всех кораблей, которые встречались по пути. Тех, кто сдавался сразу, отпускали практически немедленно, просто продемонстрировав ошеломленным морякам, что на морских просторах появилась новая и мощная сила. Тех же, кто пытался сопротивляться, как правило это были крупные корабли или небольшие караваны горгосских торговцев, уверенные в полном господстве своего флота в этих водах и обманутые скромными размерами унирем, мгновенно и жестко брали на абордаж. Стараясь, правда, принести наименьший ущерб команде. А когда по большей части просто отключенные защитники купеческого имущества приходили в себя, им объясняли, что впредь, едва завидев такой флаг, необходимо не рыпаться, а немедленно и четко выполнять команды. Иначе последствия могут быть гораздо неприятнее.

Спустя день после того, как архипелаг Зубья дракона остался позади, они встретили первый отряд горгосских триер. После Грон узнал из допросов пленных горгосцев, что исчезновение почти двух десятков триер заставило адмиралов горгосского флота приказать капитанам изменить своей привычке рыскать вдоль побережья Элитии в одиночку и даже мелкими группами. И ныне большую часть своих сил горгосцы сосредоточили в нескольких эскадрах напротив основных южных портов Элитии и только около трети кораблей оставили по-прежнему контролировать побережье. Но делали они это теперь только в составе отрядов из полтора-двух десятков триер. Правда, ни одному встреченному ими отряду горгосцев подобная предосторожность не помогла. Первая встреча произошла через три дня. Когда с триер заметили первую пятерку унирем, которые хотя и не походили на известные им боевые суда, но явно не напоминали торговцев, командир отряда отдал приказ захватить эти непонятные корабли. Униремы, заметившие горгосцев еще около часа назад, но, для того чтобы быть более заметными, нарочно не завалившие мачты, молниеносно развернулись и стали уходить, развивая едва две трети обычной скорости. Так что триеры хотя и медленно, но все же начали нагонять уходящие корабли. Это продолжалось до тех пор, пока кто-то из горгосцев не увидел три десятка унирем, которые, завалив мачты, уже заходили с тыла. Горгосцы замечались, стали разворачиваться, пытаясь стать под углом, при котором высоко вознесенная рулевая площадка не мешала бы баллистам и катапультам обстреливать корабли, стремительно приближающиеся со стороны кормы. А возможно, у кого-то из капитанов даже мелькала абсурдная мысль о таранном ударе или, того лучше, абордаже, но было уже поздно. Крутые носы унирем, имеющие точно рассчитанный угол наклона, который позволял им при ударе о вражеский корабль вползать вверх по борту, доставляя абордажную команду на палубу вражеского судна будто на неизвестном пока в этом мире лифте, и на этот раз сработали так, как надо. Недаром Гамгор последние две четверти до седьмого пота гонял экипажи унирем во время учебных атак захваченных триер. На этот раз каждую триеру атаковали две униремы. В общем-то в этом не было особой необходимости, ибо уровень боевой подготовки Корпуса не оставлял горгосцам никаких шансов, это было проверено еще во время штурма Элорийского акрополя, когда «длинные пики» столкнулись с элитой армии горгосцев – золотоплечими, а обученность моряков и десантных команд у горгосцев всегда была хуже, чем даже у линейных армейских частей.

Недаром они не рисковали вступать в схватки с ситаккцами по собственной инициативе. Но Грон знал, что соотношение сил влияет не только на конечный успех атаки, но и на количество потерь, а ему совсем не хотелось терять даже десяток воинов в самом начале похода. К тому же он поставил задачу – захватывать пленных, и потому бойцы были ограничены при использовании арбалетов. А посему соотношение сил по две униремы на триеру было наиболее оптимальным. Все было закончено всего за четверть часа. И полтора часа спустя семнадцать триер продолжили свой путь на север. Но уже под командой новых капитанов и с увеличенным экипажем, который теперь включал в себя более чем на треть больше рабов, чем раньше.

К исходу луны семь с лишним десятков триер уже закончили свое патрулирование, бросив якорь в гавани Герлена, или еще продолжали свой путь, собираясь достигнуть ее в самое ближайшее время. Правда, и флот Грона лишился дюжины унирем, экипажи которых были практически полностью переброшены на борт захваченных триер. Но дело того стоило. За эти дни практически каждый экипаж попробовал свои силы в бою, а последний вражеский отряд Грон просто отправил на дно, дав возможность попрактиковаться экипажам дирем. Несмотря на то что соотношение сил было более чем два с половиной к одному, так как на семь дирем пришлось восемнадцать триер. И каждая из них в конце концов получила свой удар в борт. Командир этого отряда оказался не таким тупым, как предыдущие. Потому что когда на плаву осталось двенадцать триер и он понял, что что-то не так и что перед ним не обычный противник, то попытался вывести из боя хотя бы один корабль. Чтобы тот под прикрытием остальных смог бы добраться до основных сил флота и предупредить адмиралов. Но этого сделать не удалось. Пытавшаяся оторваться триера сумела лишь отдалить свой конец на четыре часа. Однако Грон отправил командира горгосцев в Герлен с приказом держать его отдельно.

Наконец, спустя две четверти после выхода из Герлена, они встретили первую эскадру горгосцев.

Это произошло за два часа до заката. Грон только собрался спуститься с рулевой площадки, когда сигнальщик, стоящий на носовой абордажной площадке, взволнованно закричал:

– Сигнальные дымы с передовой пятерки!

Грон вскинул подзорную трубу и мгновенно увидел мчащиеся навстречу униремы. С головной вздымались вверх три плотных столба дыма. Капитан униремы стоял на палубе, направив окуляр подзорной трубы на флагманский корабль. Грон оторвался от своей трубы и бросил сквозь зубы:

– Сигнальщику дать отмашку флажками.

На передней площадке приближающейся униремы тоже возник сигнальщик и начал передавать сигналы семафора. Гамгор, за прошедшую луну успевший выучить все сигналы, старательно переводил вслух:

– Вражеские корабли... Преследуют... Оценочная численность... Менее... Ста... Расстояние до основных сил... Час хода... При встречном движении...

Сигнальщик на униреме дал отмашку окончания доклада и начал повторять его еще раз. Грон перевел окуляр подзорной трубы на морскую гладь у горизонта. Приблизительно в тысяче локтей за кормой унирем торопливо разворачивались два десятка триер. Грон опустил трубу и бросил взгляд на солнце.

– Сигнальщик, сигнал на корабли: «Убрать паруса, суши весла». – Дождался, когда его распоряжение будет передано, и продолжил: – Передать по цепочке: «Боковому охранению – дальняя разведка, уточнить численность приближающейся эскадры», «Быть в готовности перехватить оторвавшихся».

Он собирался дать возможность горгосцам приморить гребцов и с закатом предоставить униремам возможность сделать то, что они умели лучше всего.

Солнце уже коснулось моря нижним краем, когда горгосские корабли вышли на рубеж атаки. Горгосский адмирал немного придержал корабли, выровнял линию, и триеры, до того

лишь слегка шевелившие веслами, прынули вперед как атакующие носороги. Со стороны горгосцев стоял сплошной гул. Это боцманы, колотя в огромные гонги, задавали гребцам атакующий темп. Триеры мчались все быстрее. Обшитые медью тараны при каждом гребке жадно высовывали из носового буруна свои слегка позеленевшие, но все еще блестящие жала. Когда до линии унирем осталось не более двух сотен локтей и горгосские катапульты, гулко хлопнув тетивами из бычьих жил, дали первый залп, Грон оторвался от подзорной трубы и небрежно кивнул. Сигнальщик, сглотнув, рванул фал, и на мачту птицей взлетел сигнальный флажок. Тысячи весел гулко ударили о воду, и униремы рванули вперед. Следующий залп горгосских баллист и катапульт, который мог бы стать губительным для унирем первой линии, пришлось на вспененный кормовой бурун. Бой начался несколько неожиданно для горгосцев. Вместо того чтобы, как обычно, две первые шеренги кораблей сошлись друг с другом под грохот таранов, юркие униремы скользнули между разогнавшихся триер и устремились в глубь горгосского строя. Грон бросил еще один взгляд на запад. Солнце уже село, но небо все еще было окрашено вечерней зарей, кое-где заляпанной темными облачками.

Две первые линии унирем сделали резкий поворот и пошли почти под прямым углом к направлению движения триер. Это был сложный, но точно рассчитанный маневр. Униремы не могли в лоб взять на abordаж триеру, которая шла атакующим темпом. Удар при столкновении был бы столь силен, что просто бы унирема развалилась. Поэтому требовался маневр, позволявший бы униремам атаковать триеры с тыла. Однако этого не потребовалось. Когда униремы стали ускользать с линии таранного удара, боцманы горгосцев, чтобы окончательно не заморить уставших гребцов, резко снизили темп, ожидая, когда капитаны определят следующую цель и развернут тяжелый корабль. А капитанам унирем только этого и надо было. Спустя всего несколько мгновений с того момента, как боцман первой триеры прекратил отбивать атакующий темп, первая унирема уже грянула носом о крутой борт триеры. И бойцы, разрядив арбалеты, хлынули на палубу триеры. Некоторое время над морем стоял грохот боя, в котором можно было различить треск бортов сталкивающихся кораблей, гул тетив баллист и катапульт, резкие, звучные хлопки арбалетных залпов и рев и крики сражающихся. Откуда-то из середины послышался громкий треск и радостный выкрик на горгосском языке, на мгновение заглушивший звуки боя:

– Магр смотрит на нас!

Одна из унирем все-таки не успела увернуться от тарана. Грон направил трубу в сторону, откуда раздался треск, и какое-то время не отрываясь смотрел на тонущую унирему. Морские кольчуги были устроены так, что их можно было скинуть уже в воде, и сделать это даже одной рукой. Но некоторые из бойцов, скинутые в воду при таранном ударе триеры, так и не всплыли. Остальные поспешно сбрасывали кольчуги прямо на палубу, уже заливаемую водой, и, зажав нож в зубах и подвязав за спиной меч, прыгали в воду и плыли в сторону атаковавшей их триеры. А оттуда навстречу им летели тяжелые стрелы. Однако на триере слишком увлеклись расстрелом плывущих и прозевали еще две униремы, подошедшие с обоих бортов. Они с грохотом врезались в скулы горгосца у обрезов гребных камер, и спустя десять минут все было кончено.

Через два часа бой превратился в бойню. Около двух с половиной десятков горгосских кораблей попытались развернуться и скрыться в ночи, но уйти от унирем оказалось невозможно. Грон подал световой сигнал на пятерки боевого охранения, которые еще перед началом сражения далеко обошли горгосскую эскадру и теперь барражировали в тылу сражения, готовые к перехвату вырвавшихся из боя горгосских кораблей. И вывел из боя основные силы, пустив на преследование всего три с половиной десятка унирем. К рассвету все униремы возвратились к флоту. А на месте сражения остались только колыхавшиеся на волнах обломки и раздувшиеся трупы тех, кто успел освободиться от доспехов и выпустить стиснутый в руке меч.

К полудню Грон принял рапорт от командиров пятерок, переформировал некоторые из них, дал команду распределить по экипажам, понесшим наибольшие потери, спасенных бой-

цов с уничтоженных кораблей и отправился спать. Когда он уже лежал в небольшой каютке под рулевой площадкой диремы, то ему вдруг пришло в голову, что результаты первого боя оказались даже лучше, чем он предполагал. Вернее, у него сложилось такое ощущение, еще когда он закончил принимать доклады. Флот потерял пятнадцать унирем, но экипажи остальных были укомплектованы более чем на девять десятых. На кораблях по-прежнему было по две полные смены гребцов, правда, для этого кое-где пришлось задействовать и расчеты баллист и катапульт, ранее не входившие в гребной наряд. Кроме того, он со дня на день ожидал прибытия отряда не менее чем из восьми унирем, состоявшего из кораблей, экипажи которых конвоировали в Герлен захваченные триеры. Диремы вообще не понесли никакого урона, потому что их не пришлось вводить в бой. И, что очень важно, у них в рукаве еще оставался серьезный козырь. Перед самым отходом на диремы было загружено по пять десятков особых снарядов для катапульт, представлявших собой круглые горшки из обожженной глины, наполненные смесью керосина с загустителем. А главное, они уничтожили от четверти до трети всего горгосского флота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.